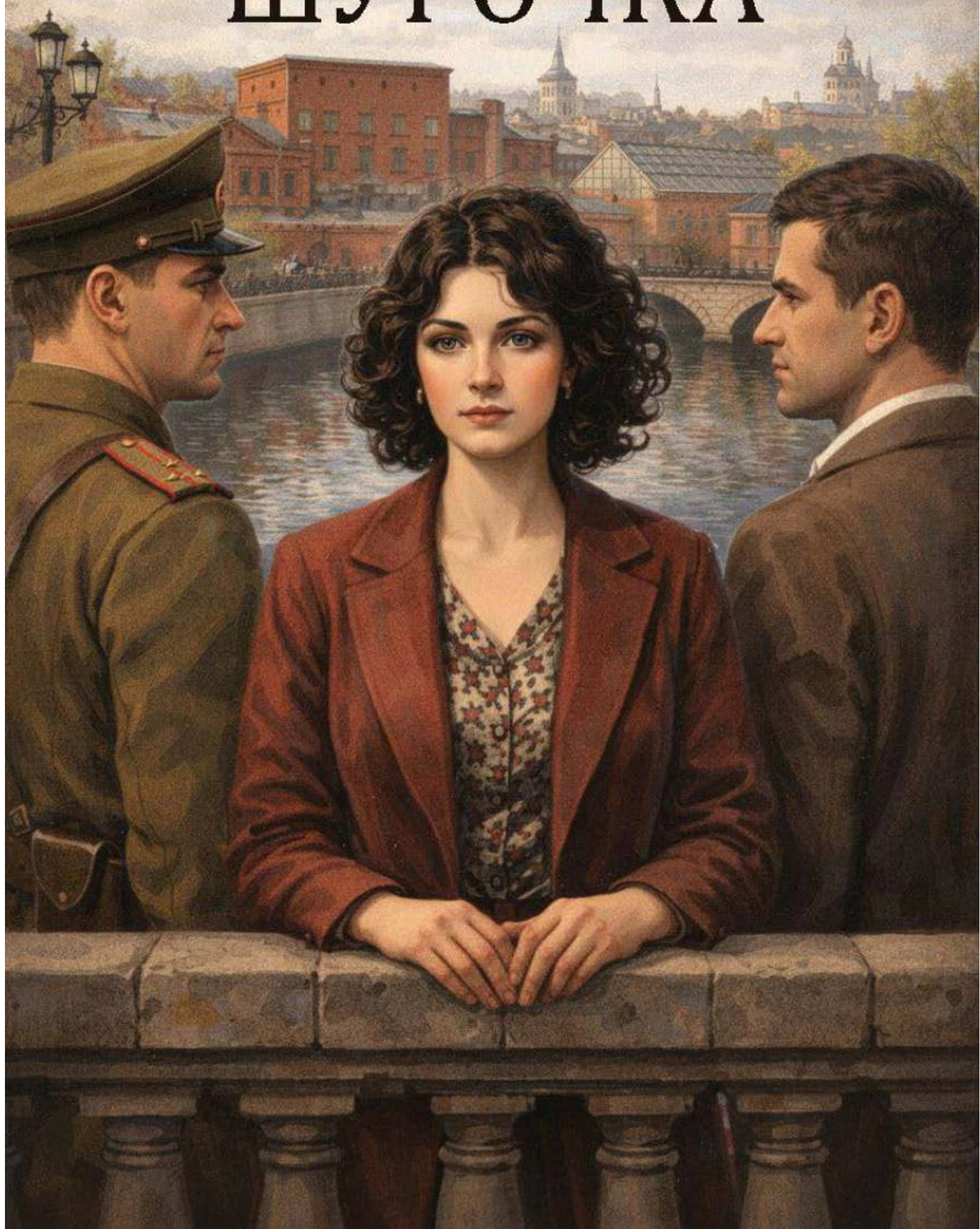

Елена Жуковская

ШУРОЧКА

Елена Жуковская

Шурочка

«Автор»

2026

Жуковская Е.

Шурочка / Е. Жуковская — «Автор», 2026

История длиною в жизнь. Настоящая любовь — это не отсутствие испытаний, а умение проходить их вместе, это ежедневный выбор год за годом, десятилетие за десятилетием, сквозь пространство и время. Они появились на свет вместе со своей страной и прошли все испытания, войны, взлёты, падения, становление молодости, размах зрелости и застой старости. События переплелись незримыми нитями между величайшим государством мира под названием СССР и его гражданами в одну судьбу. Эта история о том, что не всё в жизни зависит от нас, но всё в жизни зависит от нас; что у каждого из нас есть выбор, но в то же время его нет; что самый страшный и ужасный вред можем причинить себе только мы сами.

© Жуковская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Жуковская

Шурочка

Глава

Шурочка.

Компания хохочущих девчонок весело скатилась по лестнице Дворца культуры завода «Серп и молот», расположенного за Рогожской заставой. Самая весёлая, откидывая непослушные кудрявые волосы с лица, почти кричала сквозь дружный смех:

— Нет, вы слышали? В маечках и в трусиках! В трусиках на выступление пойдём! Ишь ты, тренер — старый кобель. На ляжки наши хочет посмотреть!

— Шурка, хватит! Не могу больше — лопну сейчас от смеха! — вытирая слёзы с глаз, простонала одна из них.

— Ну правда же?! — не успокаивалась кудрявая.

Все вокруг продолжали смеяться, а Шура вдруг почувствовала какую-то неловкость и обернулась. Она поймала взгляд молодого мужчины, пытающегося обойти их хохочущую ватагу, которая заняла весь тротуар. Он немного притормозил, чтобы пропустить девчонок, но, видя, что те застряли на месте, тоже остановился. Его явно заинтересовала кудрявая заводила. Немного прищурив глаза и улыбаясь, он рассматривал хохотушку, как будто пытаясь что-то вспомнить, связанное с ней, и не мог.

Шура сразу пришла в себя, уgomонилась и нарочито серьёзно сказала подружкам:

— Всё, я домой, а то мать убьёт. Не проспите завтра учёбу.

Девочки перехватили её взгляд и тихонько захихикали, разбредаясь парами по домам в разные стороны.

«Да не знаю я его, — крутилось у Шуры в голове. — А этот взгляд как будто знаю всю жизнь». С такими противоречивыми мыслями и дошла до дома, через железную дорогу, недалеко от места, где в Язу впадала речка Золотой Рожок, замурованная в трубу, как и многие небольшие московские речушки.

Жила Шура с матерью и отцом в комнате, расположенной в двухэтажном деревянном доме с печным отоплением и общим коридором на восемь комнат. Вода на улице, туалет там же. Проще говоря, барак. Десяток таких на одной стороне дороги и столько же — на другой. Между ними зеленела трава, росли садовые деревья, много кустов, цветы. У каждого жителя имелся свой сарай и погреб.

В соседнем бараке была кубовая с железным баком объёмом в один куб с кипятком, и туда ходили с чайниками. Пока ждёшь, когда вода закипит, можно посидеть на лавках, стоящих вдоль стен, и узнать все сплетни и новости. Еду готовили на керосинке, поэтому, экономя керосин, приносили сразу кипяток. Стирали либо в пристройке к кубовой, либо, когда скапливалось много женщин и все не помещались, прямо на речке Язуе.

В комнате две кровати, в середине стол со скатертью и четыре табуретки, небольшая полка для посуды, этажерка с разной всячиной, под одной кроватью — чемодан с мелочёвкой, шкаф и — гордость матери — ножная швейная машинка Зингер, аккуратно покрытая вышитой салфеткой. Эту машинку притащил подвыпивший отец неведома откуда в качестве доказательства своей любви к маме и радости от рождения дочери Александры, чтобы «она себе наряды шила».

В этом году обещали матери выделить комнату, нормальную, не в бараке и все жили ожиданием данного события.

— Почему так поздно пришла? Почему картошку не почистила? Чем отца кормить? Он сейчас с работы придёт голодный. Он что, по-твоему, должен ждать, пока ты нагуляешься? — встретила Шуру с порога мать.

— Мам, я в клубе была с девочками, занималась там... нас задержал тренер, мы репетировали демонстрацию, — пыталась оправдаться Шура. Хотя сама напрочь забыла и про картошку, и про полы.

— Ох и догуляешься ты, Шурка! Ох и задам я тебе порку. Беги за кипятком! Живо! — и всучив дочери в руки чайник, мать выпихнула её за дверь.

Мать у Шуры — Ульяна — была женщиной серьёзной и строгой. Родила она дочь в 27 лет, имея за плечами уже солидный жизненный опыт, который начался с побега от ненавистного мужа, за которого её в 17 лет насильно выдали родители.

Росла Ульяна девкой бойкой, смелой, шустрой. Играть любила с мальчишками в игры дерзкие. Бывало, приоденет дочку матушка, как девицу-барыню, а через полчаса она уже с растрёпанными волосами, в испачканном платье и с распухшим носом приходит. Что случилось — не говорила никогда, а то в следующий раз на улицу не пустят.

— Упала, — настаивала. — Случайно.

Отец Ульяны — мещанин из уездного города Тульской губернии — женился на местной мещанке. Но уже через несколько лет за счёт своего блестящего и незаурядного ума, находчивости и смелости значился как купец 3-й гильдии. Благодаря природной изобретательности, хитрости и красноречию обходил конкурентов и склонял к покупке именно его товара. Прирождённый купец и хваткий промышленник не жалел ни себя, ни тех, кто работал на него.

Торговал хлебом, мукой, зерном, мёдом, хмелем, пенькою и немного мелким рогатым скотом, был торговцем-просолом: скупал у крестьян различную сельхозпродукцию с целью перепродажи. Лучше всего продавалось зерно.

Много товаров вывозилось на местные рынки и ярмарки, которые являлись жизненно важными для всего населения края. Крупнейшей в губернии значилась ежегодная Белёвская ярмарка, куда основную массу грузов и отправлял отец Ульяны тогда еще главенствующим водным транспортом по реке Оке.

Мать Ульяны была женщина необразованная, но далеко не глупая. Поскольку муж по специфике работы часто отсутствовал, всё домашнее хозяйство вела сама и отлично справлялась. Родила она мужу трёх детей: погодок — сына Андрея, дочь Татьяну и спустя приличное количество лет — дочь Ульяну.

Сын был правой рукой отца и помогал ему вести дела, дочь Татьяну отец выдал замуж за известного Тульского купца, и оставалась на радость папеньки и маменьки маленькая Ульянушка. Но девочка уродилась похлеще деревенского сорванца. Когда пришла пора приучать к девичьим трудам, никак мамаше не удавалось засадить дочку за рукоделие. Вместо шитья и вышивания, задавала матери кучу вопросов о мире, природе, погоде.

Неграмотная матушка сильно конфузилась, что не знала ответов, и поэтому, как только пришло время, дочь определили в двухклассное женское приходское училище для детей купцов, ремесленников, разночинцев, для получения начального образования. Чтению учила сама смотрительница с помощью старших учениц; закону Божию — один священник, а чистописанию и арифметике — другой. Кроме перечисленных предметов, девочки занимались рукоделием. При училище находилась небольшая библиотека, из которой воспитанницы могли брать книги на дом для чтения, также были книги для продажи.

Ульяна окончила училище с отличием по всем предметам: Закону Божию, русскому языку, русской истории, арифметике, географии, чистописанию и пению, кроме этого злосчастного рукоделия. Не хватало ей усидчивости и прилежности. Рутинная и однообразная жизнь вызывала в ней скуку и желание сбежать.

Зато чтение очень нравилось. Погружаясь в другие миры и эпохи, она путешествовала во времени и пространстве, переживала приключения вместе с героями, узнавала что-то новое и неизвестное о жизни, мире, науке, истории, культуре и искусстве. Она очень хотела учиться дальше. Девочки, получившие начальное образование в приходском училище, могли продолжить обучение в женских гимназиях, которое длилось семь лет.

Как только в их городе была открыта гимназия, Ульяна умоляла отца отдать её на обучение. Отец принципиально не хотел «заморачивать голову» девице и считал, что для жизни она обучена достаточно и что от ума для женщин «один вред».

Но дочь не сдавалась, боролась как могла: голодала, закрывалась в комнате, убегала. Их дом на несколько лет превратился в театр военных действий, и, в конце концов, отец сдался под натиском жены, которая, видя такое упорство дочери, испугалась её потерять насовсем. Так, по сравнению с другими гимназистками, великовозрастная четырнадцатилетняя Ульяна пошла получать образование.

Проучившись там пару лет и начитавшись запретной литературы на свою беду, Ульяна стала при родителях выдавать крамольные мысли и недозволенные изречения о жизни, о женщинах. Что они, мол, устали от заведенного порядка: гимназия, муж, дети, что им хотелось бы другой жизни. Пособием стал роман Чернышевского «Что делать?», а идеологом — «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская.

Родители заволновались и решили, что дочь уже выучилась в избытке, хоть отбавляй, и пора девку, от греха подальше, выдавать замуж. Ей пока, чтоб не нервировать, ничего не сказали. Отличная партия нашлась нескоро — через год только. Приличный вдовец, купец 1-й гильдии, сорока с небольшим лет, занимавшийся мельничным делом.

С давних времен в жизни уезда огромную роль играли мельницы. До появления паровых и «нефтяных» двигателей ветер и вода были основными источниками энергии, исключая, конечно, «мышечный движитель». Мельницы оставались самыми сложными техническими средствами почти до конца XIX века.

Очень положительное влияние на развитие данного дела в округе оказывал запрет на строительство мельниц на реках, впадающих в Москву-реку. А местные реки впадали в Оку, да и муку в Москву было везти выгодней, чем зерно.

Выдвинулось несколько родов горожан, специализировавшихся на строительстве и эксплуатации мельниц. Жених Ульяны — Сергей Алексеевич — как раз происходил из одного такого рода. Большая часть мельниц сдавалась в аренду, в «оброчное содержание», что приносило значительный доход.

Сергей Алексеевич львиную долю прибыли получал от сдачи своих мельниц в аренду. Являлся крупным поставщиком мяса в Москву. Из южных губерний империи своим ходом через их уезд шли тучные гурты крупного рогатого скота.

Поговаривали, что мужчина довольно поздно вступил в брак и очень любил свою жену. Но супруга его никак не могла родить ему наследников. И, когда долгожданная радость уже должна была вот-вот случиться, глубочайшее горе накрыло Сергея Алексеевича: его жена умерла при родах, оставив ему, безутешному от такого удара судьбы, наследника-младенца.

Он поклялся, что никогда впредь не женится, но большой его дом без хозяйки постепенно превращался в склеп, готовый похоронить в себе не только его, но и подрастающего четырёхлетнего сына Александра, печально скитающегося по нянькам. Осознавая это, он собрался с силами и объявил себя в свете женихом, где за него сразу вцепились родители Ульяны.

— Иди, приоденься как следует, — сказала Ульяне мать. — Сегодня на ужин придёт важный гость.

— И поменьше языком болтай, — вдогонку отрезал отец. — А больше слушай. Может, за приличную девицу сойдёшь.

— А как следует? — съязвила ничего не подозревающая Ульяна.

— Язык вырву, — взмахнул руками отец и сделал угрожающий шаг в сторону дочери. Она засмеялась и убежала к себе в комнату.

Конечно же, только увидев Сергея Алексеевича, девушка обо всём догадалась. Она ужасно вела себя за столом, изображала революционерку, суфражистку, сыпала идеями равноправия женщины в обществе, пропагандировала проведение в жизнь законов, призванных улучшить положение слабого пола, чем увлекла и приворожила мужчину.

Он увидел в ней не картинную красоту, коей обладали другие девушки, сватающиеся к нему, чем как раз не могла похвастаться Ульяна, а удивительно милую живость юности, сверкающее, как искры, желание молодости выделиться, высветиться из подобных тебе.

Все окружающие его невесты казались мужчине нудными, податливыми рукодельницами, а эта — пылает, горит, возбуждает и способна разжечь пламя страсти в его остывшей душе, теле и холодном доме. Такая сможет расшевелить не по возрасту смиренного и спокойного сына Сашеньку. И недолго думая, через два дня, передал своё согласие на помолвку и скорую, как только возможно, свадьбу.

Родители перекрестились и стали готовить себя и, главное, дочь к удачному и выгодному замужеству. Ульяна настойчиво не соглашалась на помолвку, а узнав от кухарки историю своего будущего мужа с первой женой, девушка приняла её на себя и в самом деле испугалась.

Она решила, что непременно умрёт при родах, потому что эти двое — отец и сын — убийцы. Один убил жену специально, заставив рожать, хотя бог был против и долго им на это намекал, а второй — просто заместил мать своим появлением — или я, или она.

В девушке пробудился страх перед этим мужчиной и его маленьким сыном. Ульяна сопротивлялась бракосочетанию изо всех сил. Плакала, умоляла, целовала руки, ползала на коленях. Родители были категоричны и тверды.

Всю свадьбу невеста проплакала, жалея себя. Девушка словно присутствовала на своих похоронах, поскольку в том, что в этом браке она умрёт, была уверена без колебаний. Ульяна только ещё пока не знала, сколько ей осталось: несколько лет или несколько месяцев и возненавидела своих родителей, так легко отдающих её в руки убийц и даже не пытающихся защитить свою дочь от верной гибели.

Прожив в жутком страхе всю зиму в огромном доме Сергея в присутствии тихого, молчаливого и кроткого мальчика, совершенно не замечая доброго к ней отношения мужа, и каждый раз, ложась в постель, закрывала от ужаса глаза и думала про себя: «Скорее бы это закончилось».

С началом весны она замыслила побег. Накопила денег, купила билет на поезд, собрала вещи и те немногие дорогие украшения, подаренные на свадьбу и уже после — мужем, и укатила до такого же уездного города, только расположенного на большой реке Оке.

Выйдя на перрон, Ульяна осмотрелась и стала пробираться с вещами сквозь толпу приезжих к извозчикам, крепко прижимая к груди сумочку с деньгами и драгоценностями. Подойдя к одному из них и спросив, сколько стоит доехать до ближайшей гостиницы, девушка велела ему поднять чемодан, а сама, зацепившись за дрожки одной рукой, наступила на ступеньку и качнулась. В этот момент она и выронила сумочку.

Тут же к ней подскочил чумазый мальчишка, схватил вещь и побежал прочь. Ульяна, прокричав на бегу извозчику, чтоб сторожил чемодан, двумя руками подняв юбку до непозволительной высоты, помчалась за воришкой. Девушка догнала его, схватила сзади за рубаху и дёрнула. Но, падая, мальчишка кинул сумку своему приятелю, и тот скрылся за домами. Перед глазами Ульяны мысленно пронеслась вся её дальнейшая жизнь: унижительное возвращение к мужу, издёвка родителей, чувство вины, она пнула мальчишку ногой, вернулась к чемодану, села на него и заплакала.

За происходящим от начала до конца наблюдала сидящая в коляске пожилая дама, расположившись неподалеку. Подъехав ближе к плачущей девушке, она спросила её:

— Чего рыдаешь?

Ульяна не отвечала.

— Не беднячка же, — оценивающе посмотрела дама на Ульяну. — Хочешь, я тебя отвезу куда надо, если на извозчика деньги украли.

Девушка подняла мокрые глаза на барыню и сказала:

— Некуда мне теперь. В бордель везите.

— Ну, в бордель ты всегда успеешь. Давай-ка, залезай ко мне и поедem. Расскажешь по дороге.

Рыдая, всё поведала барыне, Ольге Петровне, и та, вспомнив, как сама пятнадцать лет жила со старым ненавистным мужем, который даже деток ей не дал, пожалела девчонку.

— А может, к мужу тебя обратно отвезти? — задумчиво проговорила она. — Помучаешься лет 15—20. Зато потом, как я, барыней станешь. Деньги, связи, все нороят прислужиться. Мы ему не расскажем, как было на самом деле. Мы для тебя какую-нибудь историю затейливую придумаем. Он с тебя пылинки после этого сдувать будет, беречь. Уж мне-то он поверит. А? Хочешь?

Засмеялась Ольга Петровна, представляя хоть какое-то развлечение в своей скучной изобильной жизни, где, кроме поездок к сестре, не происходит почти ничего интересного. Ульяна подняла на неё полные слёз глаза:

— Пожалуйста, пожалуйста, не надо. Я его боюсь.

Увидев такие глаза, барыня сама испугалась и быстро проговорила:

— Ладно, ладно. Не хочешь — как хочешь. Неволить не буду. Понимаю. Но и на шею к себе не посажу, кормить задаром не стану. В кухарки пойдёшь? Выгнала я свою. Мямля мямлей. Еле двигалась. А ты, я смотрю, девка шустрая, смышлёная.

— Я куда хотите пойду, только не обратно.

Тяжеловато пришлось купеческой дочке осваивать работу кухарки. Ольга Петровна постоянно капризничала и давала задания заковыристые, как будто проверяла на сообразительность и смекалку. Потом, когда девчонка освоилась, стала общаться как с подружкой, компаньонкой или дочкой: ездить с ней на приёмы да на вечера. Барыне нравилось, как независимо и смело себя держит Ульяна, как умеет поддержать разговор.

Через пару лет к Ольге Петровне в дом пожаловал городской и велел выдать Ульяну. На одном из вечеров, где присутствовала девушка, её узнал тот, кто был в курсе истории побега от мужа. Полицейский пригрозил: «Коли, барыня, подобра-поздорову девицу не вернёте, то назначат обыск, а укрывателям грозит суд. Муж её разыскивает и требует вернуть».

Но Ольга Петровна свою любимицу не выдала, а помогла снова сбежать. Ночью собрала Ульяну, дала денег и подарила в благодарность толстую золотую цепочку с кулоном и перстень на счастье. Позвала кучера, наказала ему договориться с баркасом, чтобы доставили Ульяну в Коломну по Оке.

На поезде ехать нельзя — сразу поймают. А уж потом в Москву, там не найдут. Обняла Ульяну напоследок, расплакалась и отправила на волю. Уж больно приглянулась барыне эта своенравная, сообразительная и смелая девица.

Помытарилась Ульяна по Москве, пока не устроилась на завод. Там и встретила Шуриного отца — Василия. Ой, и гуляка же он был! Ой, как любил покрасоваться! Ему бы артистом быть, а не на заводе работать. Видный был мужик, красавец, чёрные курчавые волосы, карие глаза. Любил наряжаться и в кабак или трактир, выпить тоже, конечно же, любил.

Женщин будто и не замечал, а Ульяна чем-то зацепила его. Вольностью, что ли, какой-то, смелостью. Не стушеввалась перед таким красавцем, не постеснялась ответить бойко. И закрутилась у них любовь. Расписываться не стали, так как она замужем числилась и фамилия у неё была первого мужа. Ехать, разводиться не могла — побаивалась, а Василий и не настаивал.

Да и революция вокруг бушевала, всё переворачивалось, старое отменялось, а нового ещё не придумали.

Так Шура у них и родилась. Записал её Василий на свою фамилию. Дочь свою очень любил, всё прощал, баловал, никогда не наказывал, добрый к ней был. Ульяну, когда выпивши, мог начать строить, но та ему не отвечала, молчала. Тогда он тихонько успокаивался и засыпал. До рукоприкладства никогда не доходило.

Скандалы отец не переносил, любил праздники и веселье. Мать же к Шуре относилась со всей строгостью и требовательностью. Могла и треснуть разок, другой или за волосы оттаскать. Оттаскает и потом ещё гулять не пустит, велит уроки делать и книжки читать. Отца Шурочка очень любила и жалела, а мать недолюбливала и побаивалась.

Жили неплохо, пока не случилось горе лютое. Похоронили они младшую доченьку Лидочку — умерла от тифа. Она родилась через 5 лет после Шуры и была абсолютной противоположностью старшей сестры. Александра пошла в отца не только внешностью и тёмными кудрями, но и характером: весёлая, задорная, любила покрасоваться, душа компании, всё нипочём. Весь двор ходил за ней, как привязанный. Куда Шурка, туда и все. Что придумает, тем все и занимаются.

Лидочка другая: волосы русые и прямые, вдумчивая, сосредоточенная, лишний раз не улыбнётся. Сестру любила безумно, хвостиком за ней ходила, с утра схватит за юбку и не отпускает целый день. И Шура сестру обожала. Возьмёт её, тоненькую и хрупкую, на руки и таскает везде. А летом во дворе на травке под кронами старшие младшим устраивали детский сад: расстилали покрывала и одеяла и на них кормили малышкой, играли с ними, рассказывали сказки и укладывали днём спать.

После смерти Лиды, Шура часто сквозь слёзы вспоминала, как сестра хотела быть на неё похожей: голову постоянно мочила, чтобы волосы становились более тёмными. Росла Александра, взрослела, жизнь была насыщенной, и горе со временем отпустило её.

Мать пережила это печальное событие, как всегда, молча, боль в душе загнала в дальний угол. Отец же нет. Он весь напоказ. Убивался театрально и начал ещё сильнее прикладываться к бутылке. «Родненькая моя доченька! Почему же ты меня оставила?!» — орал он на весь двор сквозь пьяные слёзы. И к нему подтягивалась компания соболезнующих собутыльников, которые после поминания уже не могли идти и спали до утра прямо на траве.

В школу Шура ходила из-под палки. Учиться не любила и не хотела. Ей бы в люди, верховодить и смешить. Еле дотянула 7 классов и пошла бы в артистки, но мать строго-настрого приказала идти в Школу ФЗУ на швею.

— Артисток много не надо, а швея всегда нужна, заказчиков хоть отбавляй. Без куса хлеба не останешься. А если выучишься на портниху, то по своему усмотрению будешь выбирать: кому шить и что шить. И сама всегда при нарядах будешь. Что машинка наша швейная зазря простаивает?

При мысли о нарядах Шурка сдалась и пошла с документами в училище. Много поступающих толпилось у входа. Было ещё рано и никого не впускали. Шурочка осмотрелась и подошла поближе к девчонкам, которые что-то живо обсуждали. Из их беседы поняла, что учиться надо примерно два года, что можно пойти на белошвейку, шьющую тонкое и дорогое бельё, блузки с вышивкой; закройщицу — швею, которая шьёт вещь для заказчика от замеров и выкройки до последнего стежка и на модистку — швею, делающую шляпки; и что принимают документы у того, кому уже есть 17 лет.

«Белошвейка — это слишком кропотливая работа и скучная, как и закройщица, — рассуждала про себя Шура. — Может, на модистку идти? Там интересно. Там хоть разные формы, ткани, украшения: ленты, цветы, перья, бисер. Можно свадебные делать, повседневные, вечер-

ние шляпки». Представила себе плоды своих будущих трудов и окончательно решила на кого учиться. Оставался только один вопрос — ей ещё не было семнадцати. Но что могло остановить Шурочку, раз уж она всё для себя решила?!

Когда открыли двери и впустили народ, она не пошла занимать очередь в большом вестибюле, где стояли столы и принимали документы, а нырнула в сторону от потока и очутилась в коридоре, в котором было несколько дверей в кабинеты. Приоткрыв одну, заглянула внутрь. Увидев на столе чернильницу и перо, быстро прошмыгнула и закрыла за собой дверь. Взяла свою метрику, обмакнула перо в чернила и ловко подправила цифру 1 на 0. Получился год рождения не 1921, а 1920. «Ну вот, теперь мне 17 лет», — хмыкнула Шурочка и пошла в вестибюль уже практически взрослая и гордая подавать документы.

В школу ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) при швейной фабрике набрали 3 класса в каждом по 25 девочек. Учебно-производственный процесс проходил в отдельном одноэтажном здании с печным отоплением. Там находился пошивочный цех, оборудованный 25 швейными машинками, двумя утюгами и столом для ручных работ. Одну из свежеекрашенных стен которого украшал плакат-растяжка со словами Ленина: «Перед вами задача строительства коммунизма, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием».

Учебников практически не было. Всё записывалось со слов учителей: уроки организации труда и производства, швейное материаловедение, русский язык, технология пошива, математика, машиноведение, военное дело. Своего спортивного зала у школы ФЗУ не было, ученицы ходили во Дворец культуры завода «Серп и молот» по договорённости со школой. Там обучались бальным танцам, пели в хоре, занимались спортивной гимнастикой, кто-то — в стрелковой секции и несколько — в радиокружке. В плане воспитательной работы смотрели и обсуждали кинофильмы, проводили вечера и праздники.

Школа ФЗУ обеспечивала молодежь форменным обмундированием и питанием, обувью на деревянных подошвах: когда проводишь много часов на бетонном полу, очень мёрзнут ноги.

Преподавателем основного швейного дела был Яков Семёнович, бывший портной — хорошо когда-то известный в дворянско-купеческих кругах Москвы. До революции он работал закройщиком в одном престижном ателье города. После 1917 года ателье закрыли, и клиенты, кто пока ещё оставался в Москве или только сюда перебрался, потихоньку стали ходить к нему домой. В период НЭПа открыл уже своё модное ателье, где шил очень популярные платья в стиле «чарльстон» с заниженной талией, с вышивкой или аппликацией, и шляпную мастерскую.

Когда НЭП отменили, частные парикмахерские, рестораны, ателье и кооперативные магазины закрылись. Стали внедрять коллективизацию, индустриализацию, коммунальный быт. Призывали к аскетизму. Рисовали образ советской женщины-труженицы. Считалось, если женщина наряжается — значит, мало работает, а если мало работает — значит, тунеядка. За любовь к красивым вещам прорабатывали на комсомольских и партийных собраниях.

Обладая особой интуицией и прочувствовав такой поворот событий, Яков Семёнович сразу согласился на предложение помочь советской власти и молодой Республике в деле воспитания советской молодёжи. Днём он учительствовал, а вечерами и ночами инкогнито продолжал обшивать своих старых и (строго по рекомендациям старых) уже новых заказчиков.

Учил Яков Семёнович с любовью, настойчиво и терпеливо, хотя сам был довольно шустрым человеком, даже немного суетливым. Иногда казалось, что он хочет побыстрее всех всему научить и убежать домой шить. Вот и бегал от одной ученицы к другой, проверял, поправлял, иногда подолгу стоял возле, чтобы удостовериться, что рука поняла смысл, приспособилась и строчка пошла как надо.

Но, к сидевшим рядом с Шурочкой, подходил с опаской. Потому что она веселилась и здесь, доводила весь класс до истерики. Стоит ему, повернувшись к Шуре спиной, нагнуться к соседней ученице, как Александра мгновенно: то хвост из отрезка ткани к подолу халата

пришьёт, то мелом что-то напишет-нарисует. Отойдёт к другому столу, и чей-то голос на весь класс спрашивает:

— Яков Семёнович! Это что, мода такая новая — с хвостом ходить? А почему Вы нам про неё не рассказываете?

Пожилой уже учитель сначала терялся от таких вопросов, смущался под оглушительный хохот всего класса. Потом пробовал бороться с Шурой, наказывать, но в итоге смирился и даже начал отшучиваться:

— Да, новая мода. Только не так надо пришивать. Как-нибудь потом я вам расскажу, как правильно.

Школа давала хорошую трудовую закалку и профессиональное мастерство. После обучения основным навыкам шитья перешли к умению мастерить шляпки. Здесь тоже фантазиям неутомонной девушки не было предела.

Однажды все ученицы получили домашнее задание: придумать и сделать простенький головной убор за один вечер, к завтрашнему дню. Все принесли на следующий день новоиспеченные шляпки, аккуратно упакованные в куски материи, напоминающие детские пелёнки, завязанные на узелки по диагонали. Шурочка тоже принесла.

Учитель велел всем выстроиться в ряд, распаковать изделия и примерить. Девушки так и сделали. Когда начали рассматривать друг друга и очередь дошла до Шуры, то опять все покатались со смеха. На её голове красовался арбуз. Она отрезала половину арбуза, вычистила всю красную мякоть с частью белой, и — вуаля! — шляпка готова.

— Это что? — спросил ошеломлённый учитель, не решив, то ли ругаться, то ли смеяться.

— Это шляпка клош, колокол, — выпалила Шурочка.

— У клош должны быть небольшие поля, — возразил учитель.

— Поля есть. Просто они очень сильно загнуты вниз. Если Вы их совсем не видите, то это шляпа-шар, — Шуре терять уже было нечего: либо пан, либо пропал.

Но однажды учитель Александру всё же наказал, её же методами. Придя с очередным домашним заданием, она напялила на голову маленькую кастрюльку с небольшой ручкой, и доказывала, что это шляпка ток (маленькая шляпка без полей), или же на худой конец — турецкая феска.

— Хорошо, или феска, или ток, — согласился учитель, — будешь ходить в ней весь день, пусть все налюбуются.

Головной убор был чугунный и очень тяжёлый. Намучилась Шурка.

Преподаватели не сильно давили на эту весёлую, бесшабашную ученицу: девчонка была сообразительная, оригинальная, творчески одарённая, с хорошим вкусом. А как она мастерски управлялась с лентами, цветами! Могла сделать шляпку-таблетку из подсолнуха, превратить в головной убор переплетённые сухие ветки или разукрасить марлю и намотать её в виде чалмы.

Так постепенно Шурочка превращалась в настоящую женщину, способную из ничего сделать три вещи: салат, шляпку и скандал. Салаты научила её готовить мать — профессиональная кухарка, получившая навык у искусной поварихи, много лет готовящей всевозможные кушанья для капризной барыни, шляпки — мастер-модист, а для скандала нужен был партнёр...

2. Васенька.

Молодой человек, завладевший Шурочкиными мыслями по дороге домой из ДК завода «Серп и молот», тоже не мог забыть случайную встречу с задорной девушкой. Ему казался очень знакомым этот взгляд игриво-весёлых, красивых, карих глаз, густо обрамлённых чёрными ресницами. Опять вспомнилась сестра Аня — маленькая несчастная девочка с грустным лицом и такими же шоколадными глазами. «Конечно, что-то похожее у них есть, — думал он. — Но взгляд...» Навернулись слёзы. «Это невыносимо больно вспоминать. Может быть, она

жива и где-то живёт? Уже взрослая... — пытаюсь подавить эмоции, успокаивал себя. — Может, я всё-таки когда-нибудь её найду?»

Василий — так его звали — родился ещё до революции, в 1913 году, в уютном Сергиевском Посаде. Красавица Лавра, множество церквей, колокольный звон, богомолцы и богомолки с котомками за плечами, создавали особую духовную, благодатную атмосферу этому месту. Относительная близость к Москве, старинный Московско-Ярославский тракт, недавно построенная железная дорога и расположение вокруг Лавры, сделали город одним из крупнейших в Московской губернии.

Основными источниками дохода являлась оживленная торговля игрушками, иконами и сувенирами, производством которых занималась половина населения Посада. Тысяча игрушечников, чеканщиков, иконников, судописцев, крестечников, серебряников, фольговщиков, токарей, живописцев, сусальщиков, ложкарей, посошников и других ремесленников, производили свой местный кустарный товар и выставляли на продажу в лавочки и магазины в каменных, торговых, купеческих рядах. Считалось доброй традицией привести домой подарок детям — игрушку от Сергия, и каждый родитель обязательно её покупал.

Земледелием, огородничеством и хлебопашеством особо не занимались. Только, когда вследствие национализации церковной собственности, Троице-Сергиева Лавра была закрыта, монахи, чтобы выжить, организовывали сельскохозяйственные артели.

Важным источником доходов значительной части населения города являлась сдача помещений внаём, многочисленные гостиницы и постоялые дворы не могли вместить в себя нескончаемую вереницу паломников, желающих прикоснуться к святыням, поклониться святым.

В одной из таких гостиниц работала когда-то мать Василия — Анастасия. Прибиралась за гостями, немного кухарила. Отправили её в Посад родители из деревни, где она родилась, к отцовской сестре в 12 лет за хорошей долей. Тётка была женщина простая, трудолюбивая, состояла замужем за игрушечником и имела двух сыновей.

Приняла племянницу по-хорошему, по-доброму. Стала учить её и по хозяйству, и городской жизни, и дядьке, мужу её, с игрушками помогать. В основном работа была на побегушках: то изделия надо передать в магазин, то к токарю сбегать, либо черновые заготовки принести — «белье» назывались, либо игрушки на полировку доставить.

Сына младшего, почти ровесника Насти, дядька к токарю учеником пристроил с дальним прицелом: поднатореет, станок купят и свою игрушечную мастерскую откроют. Раньше малец бегал с заготовками, а теперь это Настина задача стала, чтобы сын не отвлекался от главного дела. Старшего своего ремеслу учил сам. Все привлечены были. Дядька, как и большинство игрушечников Посада, работал наёмником на хозяев магазина. Работал много по 12—15 часов в сутки.

В магазине знали, какие игрушки раскупаются быстрее всего, и заказывали дядьке: то скачущих во весь опор коней с лихими ямщиками и седоками, кутающимися в теплые шубы, то охотника или дровосека, то крестьянина, несущего вязанку дров, то бондаря, надевающего обручи на кадушку.

Дядька резчиком был отменным, прекрасно чувствовал природу дерева, с фантазией и юмором подходил к работе, всегда старался придумать что-нибудь новенькое, оригинальное. «Барыни», «Гусары», «Кормилицы» и всякие «Щеголи» выходили у него интересно и забавно. Они у него были и толстые, и тощие, и расфуфыренные, и напыщенные. «Эх, хотя бы один годик поработать не для куска хлеба, а для искусства», — время от времени сокрушался дядька.

Иногда грешил, делал штучные игрушки не для детей, а для взрослых: полуодетая нищенка, просящая милостыню, всякие изображения «с перцем» монахов, или монах, несущий женщину в корзине за спиной. «Монах, несущий девушку в снопе» была довольно извест-

ной фигуркой. Такие изделия продавались тайком возле монастырских стен. Однажды такого «мастера» арестовали и пригрозили «прогулкой» в кандалах до Сибири.

Настя со временем освоилась у родственников, прижилась, стала настоящей помощницей. Относились к ней очень хорошо, но какая-то пугливая была, всего боялась. Как будто всегда подвоха ждала. Но в мелочах иногда упрямство проявляла. Не одну косу плела, как все девки, а две, и ленты яркие вплетала. Как не увещевала её тётка «делать как люди» — ни в какую не уступала. Говорила: «Мама меня так в детстве заплетала, и я так буду. И всё».

Никому не открывалась, неболтливая — всё в себе хранила. Единственным, с кем сдружилась близко, был младший двоюродный брат Алексей, к которому бегала помогать в токарную мастерскую. Парень тоже был не по возрасту серьёзный, правильный и справедливый. Сказано ему никому не рассказывать, не расскажет, обещание хранил строго — «могила». За это и доверяла ему Настя свои секреты.

А когда влюбилась в Егорку Трофимова, вместе с братом бегала следить за ним. Если точно знала, что Егор пошёл домой, просила Лёшку пройти вместе мимо его избы. Трофимов тоже интерес к ней проявлял, выходил на улицу как бы к брату поговорить, а сам глазами на девушку стрелял, которая, следуя правилам, отходила от мужчин в сторонку.

Выросла она девушкой интересной и аккуратной. Длинные тёмно-русые косы украшали вплетённые яркие, но не вызывающие ленты. На милом и доверчивом лице лёгкий румянец. Взгляд только какой-то неуверенно-сиротливый, робкий и смущённый, но серо-зелёные глаза притягивали к себе особым магнетизмом, так как меняли свой оттенок в зависимости от освещения и цветовой гаммы вокруг.

В Сергиевском Посаде, разделённом на городскую и лаврскую части, помимо магазинов и кустарных лавочек, существовали для торговли ещё два рынка. Городской находился, где ратуша, — на Вознесенской площади, а Лаврский рынок был на Красногорской площади. Также в городе проходили три большие ежегодные ярмарки, продолжавшиеся по неделе. Одна 15 августа, на праздник Успения Богородицы, вторая — в десятую пятницу после Пасхи и третья — на Троицу.

Розничная торговля открывалась на рассвете с подъёма над ратушей специального знамени, которое опускали в первом часу пополудни, и тогда начиналась оптовая. Оптовым товаром торговали приезжие купцы из Москвы, Переяславля, Юрьев-Польского, Дмитрова и Ростова. В ярмарочные дни купцы, мещане, крестьяне съезжались заранее и, заплатив поземельный налог в лаврскую казну, получали на площади соответствующий участок земли, отмеченный кольями, на котором разворачивали шатры, балаганы, ставили шалаши, подвижные лавки или просто столы с товарами.

Для местных мастеров, ремесленников и крестьян ярмарка тоже была отличным способом заработать лишнюю копейку, продать побольше своих фигурок: «солдатики», «монахов», «всадники», «клоуны», «кошек с бантиками», «собачек с письмом», которые очень ценились за отменное мастерство и считались не хуже иностранных. Жители были рады ещё одной возможности заработать на приезжих: ставили на торговых площадях столы, ларьки, а кто побогаче — разворачивал шатры с едой, питьём, виноградными винами. Кто победней — торговали хлебом и квасом.

Тётка тоже промышляла таким заработком. Она вместе с Настей ночами пекла пироги с яйцами, капустой, сладкие ватрушки, калачи, баранки, блины. С утра всю эту вкуснятину они несли на ярмарку на продажу, Алёша ставил стол и растапливал самовар, Настя заваривала душистый чай с травами, накладывала куски сахара в красивую, парадную керамическую сахарницу с крышкой и с выемкой для щипчиков, и начиналась торговля.

Вот и в этот раз, на Троицу, ярмарка уже подходила к концу, заканчивался день. Настя принесла последнюю порцию калачей, баранок и немного свежеподпечёных блинов.

— Наверное, больше не надо, детка. Все уже собираются уезжать. Если только с собой возьмут, — уставшим голосом произнесла тётюшка. — Иди, Алёшу позови. Пусть последний раз самовар накипятит.

— Тётя, а можно я Алёшу позову и пойду фокусников посмотрю? — спросила Настя. — Потом приду помогать собираться.

— Поди, поди посмотри. Тебе уж замуж пора, а ты всё на клоунов смотреть ходишь, — и улыбнулась.

— Да ну уж замуж! — вспыхнула румянцем Анастасия и побежала звать Алёшу. — Лёшка! Мамка зовёт самовар топить. Иди! — прокричала на ходу.

— А ты куда? — прогорланил в ответ Алексей.

— Тётя разрешила фокусников посмотреть! Побегу, а то уже все собираются! Боюсь не застать! — успела прокричать Настя, ловко лавируя среди толпы.

«Что за человек? Всё на бегу. Бежит всегда куда-то и бежит. Как будто жизнь прожить торопиться», — подумал Алексей и пошёл кипятить самовар.

— Ну где же Настя-то, сынок? — уже не первый раз спрашивала Лёшу мать. — Собираться же надо.

— Не знаю. Снова тебе говорю. Фокусников засмотрелась, наверное, — уже с волнением отвечал Алексей.

— Какие ж фокусники? Разъехались они. Смотри — уже и балаган убрали, — причитала беспокоясь. — Иди, опять поищи её.

— Нет, мам. Давай соберёмся и домой тебя отведу с поклажей. Может, дома уже Настя-то. Отец её чем занял? А если нет, то пойду искать.

— Ну давай. Только отцу не сказывай. Скажи, что мы её послали куда. Куда? Чего отцу-то скажешь? Договоримся давай.

— Скажем, что к Матрёне послали — остаток блинов отнести, — придумал Лёшка.

— Да, да, к Матрёне... К Матрёне хорошо, — согласилась мать.

Придя домой и увидев, что Насти здесь нет, они уже оба понимали — с ней что-то случилось. Настасья ни разу нигде не задерживалась, а уж чтобы загулялась — такого сроду не было. Стало потихоньку смеркаться. Алексей вышел во двор. Был конец мая. Он глубоко вздохнул, прислушался и вдруг почувствовал весну — не такую неробкую, мартовскую, стесняющуюся подвинуть стареющую зиму, никак не уступающую ей место. Нет, осмелевшую, нагловатую и теперь уже, в свой черёд, нахально не пускающую занять своё законное место юное пока лето.

Только сейчас Алёшка разглядел свежие, молодые и нежные листики и изумрудные травинки, уловил вечерний концерт соловьёв, «перепелиный бой» — далеко слышный резкий крик перепелов, и весёлое пение множества птиц. Сквозь них прорывались песни и громкие возгласы подвыпивших уезжающих ярмарочных торговцев.

Парень поёжился, не то от тронувшего его после достаточно тёплого дня вечернего холодка, не то от плохо понятной тревоги и волнения. Лёша нежно относился к Насте и испытывал настоящие братские чувства. Немного злился на её робость и слабость. «Вон другие девицы не слабее мужиков — бойкие какие, палец в рот не клади — по локоть откусят», — иногда учил брат сестру. Та краснела и замыкалась в себе, затихала на несколько часов. Ему становилось неловко, и тогда, с решимостью бойцовского петуха, начинал Алёша защищать её от всех подряд.

Очередная громкая песнь отъезжающих привели его в чувство. «Что же я стою? Надо идти, искать Настю», — подумал он и, не чуя ног, вылетел на улицу.

— Мать, а где Алексей? — оглянувшись, спросил дядька.

— Не знаю. Давно уж ушёл, — ответила жена.

— Да и Насти нет. Это что ж такое ты здесь развела? — начал злиться хозяин. — Что за балаган творится в доме...

Вдруг замолчал, увидев открывающуюся дверь и входящего Лёшку, почти волочащего на себе, еле идущую, растрёпанную Настю. Девушка рыдала без остановки, тихо, только сотрясались её худенькие плечи. Одна коса была наполовину расплетена, а лента смята в руке, которую она держала у лица. Нос был красный и распухший, а из глаз ручьём текли и текли слёзы.

— Что? Что? Что? — подскочили к ним домашние.

Алёша остановился, и Настя стала съезжать подкошенными ногами вниз к полу. Тогда он приподнял её, довёл до кровати и помог сесть. Она сразу рухнула набок и накрыла лицо подушкой.

— Ну что молчишь, Лёшка? — заорал отец.

— Не знаю что. Вот и молчу, — ответил сын. — Знал бы, сказал. Нашёл её у монастырской стены, у Плотничьей башни в углу сидела, вот в таком состоянии. Ничего не говорит, только плачет.

— Детонька ты наша, голуба! Расскажи, что с тобой. Обидел тебя кто? Говори, не бойся, не накажем, — потянул Настю за руку дядька, пытаясь её посадить и поговорить.

Но тело Анастасии не слушалось, не сгибалось, голова на шее не держалась, а висела, как у младенца, глаза закатывались, и она сползала с кровати. Поняв, что ничего не выйдет, дядя, оставив девицу на попечении жены, собрал сыновей во дворе на совет.

— Что делать будем? — сказал он серьёзно и со всей строгостью добавил: — Рассказывайте, кто что знает и кто что видел сегодня касаясь Насти.

И посмотрел на старшего. Отца сыновья побаивались, хоть и были уже выше его на полголовы да шире в плечах. Молчать было нельзя.

— Чего видел? Не знаю ничего. Сегодня весь день при тебе был, помогал на ярмарке. А то ты сам не знаешь, — выпалил старший брат, потом, немного посомневавшись, досказал: — Вот, вспомнил. Девки сказали, что видели сегодня, как Насте помогал Егорка Трофимов пироги на ярмарку тащить. И смеялись все ехидно, как будто намекали на что. Да бабы есть бабы. Сам понимаешь.

— Ты что? — обратился отец к младшему. — Шептался же ты с ней. Тут секретов нет. Дело серьёзное. Нельзя до такого девку довести просто. Тут постараться нужно. Говори всё.

— Ну да, нравился ей Егор, — буркнул Лёшка.

Очень не любил он свои принципы нарушать.

— Айда к Трофимовым, батя! Сейчас он получит враз за Настю, — вскочил старший брат.

— Да сядь ты, оглобля! Разобраться надо. Трофимовы — люди порядочные. Неужто сын ихний так мог? — задумался батя. — Не верится мне в это. Лёшка, сейчас кнут возьму! Говори всё, приказываю тебе!

— Я и говорю. Ну ты же Настю знаешь, пап. Она ж умрёт от стыда, чтоб к кому подойти. Носилась везде как угорелая. На выданье уже, а всё бегом, везде бегом. Она же даже с девками никуда не ходила, а ты про парней.

— Значит так. Разбредаемся все. Ты, — сказал старшему, — идёшь в сборища. Там поспрашивай, кто где вечером шаркался. Может, видел Настю с кем. Алёшка, ты иди к стене, где девку нашёл. Пошарь там, может, вещь чью найдёшь. Ну и вообще, осмотри по сторонам. Или пьянь какая валяется там, или кто. Да к источнику, к Савве сходи — там глянь. А я пойду к Трофимовым. Тихонько про Егорку проведаю: дома ль, где вечером был. Если дома,

то в глаза ему посмотрю. И чтобы мне — молчок. Нечего сестру зазря срамить. Не разобрались ещё. Может, это бабское чего.

Ничего важного и проясняющего ситуацию узнать не удалось. Говорили, что видели, как Настёна с Егоркой Трофимовым бегала, кто-то видел, как купцы на неё цокали — мол, хороша девка, и как фокусник её на фокус приглашал, а она, как всегда, вспыхнула румянцем, смутилась и убежала. Егор спал уже. Набегался за день — устал. И отцу, и Насте на ярмарке помогал. Разбудили, про девушку спросили: когда видел последний раз. Сказал: когда последние пироги помогал донести, а потом пошёл отца домой с ярмарки собирать. Потом немного погулял — Настю искал, но не нашёл, поэтому пошёл домой и сразу спать завалился.

— Вроде и не скажешь по нему, что сотворил чего, — размышлял дядька. — Ладно, по горячему не вышло, спать пошли — утро вечера мудренее. Завтра Настя оклемается и спросим у неё.

Но ни завтра, ни послезавтра девица не переменялась. Только хуже ей стало: вся жаром пошла и есть перестала. Тётка дядьку с расспросами выгнала.

— Что ты ей всё напоминаешь про это. Хватит. Не может она. Выздоровеет — сама расскажет.

— Но как же — безнаказанным нельзя. Слух по соседям пойдёт, что мы не смогли за девку заступиться, — с горечью молвил дядя.

Слух уже пошёл из-за их расспросов. Все только про Настю и говорили. Кто говорил, что отравили её на ярмарке, кто — что замуж не хочет идти за Трофимова, а кто и вовсе — что тифом заболела. Братья морду Егору всё-таки набили — на всякий случай, чтоб неповадно было.

Вот и лето прошло. Настя окончательно в себя так и не пришла. Стала совсем замкнутой, даже с Алёшкой молчала, а от Егора и вовсе шарахалась. Как будто умом слегка тронулась. Работу свою выполняла исправно, но не носилась уже как ошпаренная. А если дядька или братья опять расспросы затевали, то бежала к койке, садилась на пол на коленки, голову на кровать бросала и подушкой закрывала. И начинались снова тихие слёзы и вздрагивание плеч. Со временем перестали лезть с вопросами: глядя в её глаза, самым впору зарыдать. Они потемнели, и в них поселилась безутешная, лютая скорбь. Да и характер начал портиться. Молчаливое упрямство и вредность проявляться стали.

— Как будто бес в девку вселился, — говорили мужики в доме.

Только тётка своим бабским чутьём понимала, в чём тут дело. И к зиме её догадки оправдались. Когда дядька в очередной раз навалил на Настю тяжесть несусветную, сказала ей:

— Не тащи на себе, санки иди возьми.

А на дядьку шикнула:

— Не видишь, старый чёрт, тяжёлая она.

Тот, где стоял, там и сел.

— Да как вас поймёшь, баб?! Позор-то какой, позор. Боже мой! Отец кто? Кто отец? Найду и жениться заставлю. Вот тебе крест. Хоть пытай её, но чтоб имя сказала. Скажи, что из дома выгоню!

— Да не скажет она, — пробурчала тётка. А про себя подумала: «А может, и не знает. Это я виновата. Я недосмотрела, старая дура. Меня казнить надо, а не её. Стыд, стыд...»

Настя молчала, а дядька слово своё сдержал. Сказал, что раз такое дело, то Рождество справим и на выход, пусть идёт куда хочет. «Что — насильника скрывает? Или любовника имеет? Ни то ни другое в своём доме не потерплю».

— Куда ж она пойдёт с пузом? — пыталась образумить его жена.

— Некуда? Тогда пусть говорит, кто сотворил. Иначе — вон, — был непреклонен дядька.

Поняв принципиальную позицию мужа и ощущая на себе вину, перед Рождеством тётка тайно пошла в монастырь к батюшке, к которому всегда на исповедь ходила. Там исповедовалась, покаялась, рассказала ситуацию и попросила у батюшки помощи.

— Совсем мой взбеленился. Куда же ей, горемычной, податься?

Батюшка этот Настю хорошо знал и пожалел её.

— Девица-то всегда благопристойного поведения была, — сказал он, удивившись такому повороту событий. — Приводи её, конечно. Пусть с богом побудет. Найдём ей пристанище — где потрудиться. Работа во Славу Божию всегда идёт на пользу человеческой душе.

— Обозлилась она, на мир чёрными глазами смотрит. В душе её ненависть, жестокость и горечь поселились. В глаза её смотришь — аж страшно делается. Может, отойдёт здесь, смягчится, — сказала тётка, с надеждой глядя на батюшку.

— Должна поменаться. От Божьего труда умиротворённо и светло на сердце становится, — ответил святой отец.

Так и оказалась Настя при монастыре. А когда в конце зимы родила она мальчонку, определили её жить в монастырскую гостиницу, в крохотную комнатку с такой же неприкаянной девицей-сироткой. За житьё и хлеб отработывали девушки уборкой за постояльцами, стиркой, кухарством. Крутились день и ночь.

Мальчика назвала она Василием, так как крестили его в день именин Василия, немного подумав, и по отчеству записала Васильевичем, а фамилия — какая уж была от своего отца — Фёдоров. Все, кто знал Настину историю, гадали — на кого же он похож, но малыш как будто был на стороне матери и всех ещё сильнее запутать хотел: ни на кого не похож — сам в себя.

После родов Анастасия немного отошла, особенно когда Васютка стал широко улыбаться ей. Она улыбалась в ответ и крепко-крепко целовала его много раз, пока малыш не начинал заходиться хохотом.

Иногда приходил Алёша, рассказывал о домашних.

— Ты не обижайся, что мамка к тебе не ходит. И ребёночка не пришла посмотреть. Лежит она, болеет. Как на Масленицу слегла, так и лежит. Всё собирается встать и к твоим родичам в деревню поехать, покаяться. Винит она себя, мучается, — рассказывал он.

— Ой, Алёшенька, пожалуйста, не пускай её! Силою не пускай! — умоляла Настя, хватая его за руки. — Отец приедет, найдёт и прибьёт меня.

— Да не бойся ты! Не встанет она уж, наверное. Отец так говорит и плачет.

Тётка так и не пришла. А Настя боялась к ним в дом идти, хоть и сил не было, как хотела у них прощения попросить и тётю успокоить, что та не виноватая ни в чём, и поблагодарить их с дядькой за хорошую жизнь малолетнюю.

3. Василий.

На следующий год всеобщая беда пришла — войну объявили. Старшего брата мобилизовали и на фронт отправили. Тётка и так еле ходила, а как это случилось, получила удар, совсем слегла и вскорости угасла. На похороны Настя пошла, но к могиле близко подойти не смела. Васю на руки взяла и стояла в сторонке, издалека смотрела и тихо плакала, плакала, плакала. Васютка крепко обнимал за шею и своей рубашечкой слёзы вытирал.

— Вот и остались мы с тобой одни, Василёк. Последний добрый человек нас покинул, — сквозь слёзы шептала Настя.

— Лёля... Лёля... там... — лепетал сын и показывал пальчиком на Алексея.

Алёшу мальчик знал и любил. Он Васятке как отец был. Приходил, правда, к ним редко, но всегда с игрушкой какой-нибудь, и подолгу играл с Васей, пока Настя бегала по комнатам с тряпкой или бельём. Когда мальчику исполнилось три годика, Лёша стал брать его в токарную мастерскую, сажал племянника на табуретку и приказывал сидеть смирно. Вася был весь в мать: очень послушный и усидчивый. Алексею нравилось трудиться и смотреть, как загораются

глазки у этого мальчика, когда он наблюдает за работой станка. Со временем Вася даже стал помогать дяде: что-то подать или отнести. Оказался смыслёным и сообразительным малым.

Новость об отречении царя от престола население города встретило восторженно — с надеждой на скорое окончание войны. Полиция исчезла. Пролетариата в Посаде толком не было, кроме небольшой группы рабочих лаврской типографии, и прошлись по улицам с плакатами: «Долой войну!», «Да здравствует свобода!» только они.

В Сергиевском Посаде началась неразбериха и двоевластие. Наряду с городской Думой и управой действовал Совет рабочих и солдатских депутатов. И всё это безобразие продолжалось вплоть до Октябрьской революции. В Посад прибыли представители Мытищинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и с помощью отряда красногвардейцев из города Александрова заняли почту, телеграф и все административные учреждения, и 3 ноября 1917 года в городе установили Советскую власть. Начал функционировать революционный комитет.

Через несколько месяцев после захвата власти большевиками жизнь стала меняться довольно быстро. 20 января 1918 года был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». На Сергиевский Посад он повлиял радикальным образом: прекратился поток богомольцев, закрылись многие гостиницы и постоялые дворы, остались не у дел извозчики и работники многочисленных, знаменитых ранее блинных. Даже их здания на Блинной горе разобрали.

В 1918 году создаётся Сергиевская большевистская организация и принимается решение о разгоне местного Совета рабочих и крестьянских депутатов, в котором преобладала мелкая буржуазия. Первым председателем нового Совета избирается руководитель главного Военно-инженерного управления, которое перевели из Петрограда для укрепления местной большевистской организации, участник штурма Зимнего дворца, рабочий-путиловец. Сергиев Посад переименовывается в город Сергиев.

В ноябре 1918 года Троицкий монастырь национализируют и через год закрывают. В апреле 1920 года В. И. Ленин подписывает декрет «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой Лавры». До 1925 года работает специальная комиссия по передаче историко-художественных ценностей, зданий и имущества Лавры в ведение Советского государства.

Монахи, чтобы выжить, организовывали сельскохозяйственные артели. В 1918 году в городе появились первые комсомольцы, а в 1920-м создана ячейка коммунистической молодежи из 20 человек. Была запрещена частная торговля. Начались ощутимые перебои с продовольствием, в уезде активно работали продотряды, отбиравшие зерно у крестьян.

Дядька из наёмников, как и другие ремесленники, перешёл работать в кустарно-промышленную артель. Но, в связи с закрытием Лавры, паломников не было и продажи изделий почти прекратились. Кое что отправляли в большие города, и это давало хоть какие-то средства, чтобы не умереть с голоду. Пришлось освоить поделки-сувениры из папье-маше: шкатулки, коробочки, брошки, вазочки для кистей.

Алёша вместе с национализированным токарным станком оказался в художественно-столярной мастерской, где изготавливались разнообразные резные изделия — от игрушек до предметов мебели (ширм, шкафов, буфетов).

Племянник Василий всё время крутился рядом. Мальчишка уже многое умел и всеми считался подмастерьем. Работы в мастерской Алексея тоже, как и у отца, было мало. Едва хватало, чтобы сводить концы с концами и, конечно, ни о какой женитьбе, о которой всё время, после гибели на фронте старшего брата, твердил отец, и речи идти не могло.

Настя же, в отличие от мужчин, без работы не оставалась. После того, как закрыли обитель, национализированная монастырская гостиница, где она работала, вместо богомольцев и

купцов была заселена коммунистами, комсомольцами и различными исполнителями революционных идей строительства новой жизни.

Одной из таких полезных идей культурного строительства была ликвидация безграмотности. В декабре 1919 года был издан декрет правительства о ликвидации неграмотности для всех в возрасте от 8 до 50 лет. Вдохновителем этой кампании был В. И. Ленин, который выразил желание, чтобы к 20-летию Октября в стране не осталось неграмотных.

Анастасия сперва обрадовалась, что Васька, в отличие от неё, будет в школу ходить и выучится читать и писать. Но когда оказалось, что и она должна в школу идти учиться, только посмеялась и подумала, что это шутка. Но никакой шутки здесь не было. Ведь главной целью обучения взрослого населения в России в то время было — воспитание нового человека.

Население страны освободили от эксплуатации, но ещё сохранились черты старого строя. Большевиками ставилась задача: сформировать человека с новыми физическими и духовными качествами, моральными нормами и воззрениями. Необходимо было модернизировать страну. Теперь населению требовалось с помощью обучения грамоте восстановить хозяйство и промышленность, применить свои знания для улучшения экономического и политического положения. Многие люди не понимали, для чего им необходимо учиться. Так же, как и Настя.

— Ну как же, Настасья? Неужто не понимаешь пользы от этого? — уговаривал её один из многих проживающих у них в гостинице большевик-красноармеец-агитатор-пропагандист новой власти.

За годы работы в гостинице, насмотревшись всякого, Настя осмелела, загрубела и стала какой-то вызывающе-дерзкой. Времена были такие лихие. Научилась защищать себя и словесно, и даже физически. Могла и ведром огреть. От той робкой и смущённой девушки не осталось и следа.

Даже Алёша перестал к ней захаживать, хотя очень скучал по её девической душевности, неподдельной участливости, чуткости, искренности и доброте. Но всё спряталось, зарылось в глубинах сердечной боли и замуровалось свинцом. Лёшка это понял и решил больше не приходить. А зачем? Разговора по душам не получалось, а новости все он от Васи узнавал, который постоянно торчал в мастерской.

— А какая мне польза от этого? — удивлялась Настя. — Вот уж сколько лет без грамоты живу, и ничего, не померла. Как-то обхожусь всю жизнь.

— Так и хочешь остаться «темнотой»? — не унимался комсомолец-агитатор. — Не хочешь свой ум развивать? Так и будешь чужим умом жить? Кто чего скажет — то и есть.

— А чего мне? Вчера одно говорили, сейчас ты вон это говоришь, а завтра другой кто придёт — другое скажет, — не сдавалась девушка. — Мне с этого всего какой прок, польза какая? Ничего не меняется в моей жизни.

— Ну, во-первых, милая моя, Советская власть навсегда. Никто завтра не придёт и другое не скажет, — напирал молодой человек. — А во-вторых, выучишься — всё поменяется, начнёшь газеты читать, книги разные. Другие цели и задачи в твоей жизни появятся. Хватит уже тряпкой махать, да за всеми убирать.

При словах «милая моя» Настя чуть вздрогнула, и сердечко её как-то забилося по-особенному. Парень был примерно её возраста, видный такой, кареглазый, тёмные, густые и пышные волосы всегда были откинuty назад, открытое лицо его казалось слишком доброжелательным. Говорил складно, спокойно, как будто всё на свете знал и умел объяснить.

Да и женское сердце не обманешь — смотрел на неё иначе, по особенному. Насте нравилось, что он говорит и как говорит. Но всё-таки возразила ему:

— Некогда мне грамоту вашу изучать. Это ж сколько времени надо. Иди, других агитируй, а мне работать не мешай. Мне ребёнка надо кормить и на ноги поставить. Вот его учи, а не меня.

— Его мы обязательно в школу запишем, — ответил мужчина. — На тот год пойдёт. А тебе тоже надо. Видно, что толковая ты. Если учиться пойдёшь, то от работы на два часа раньше освобождать будут. Ну хоть на собрание вечером приходи, послушай. Я выступать буду.

— Ладно, посмотрю. Как с работой управлюсь. Как зовут-то тебя, агитатор?

— Михаилом кличут, — улыбнулся парень и мягко добавил: — Приходи всё же на собрание.

Вечером Настя пошла на собрание. Народу в зал набилось много. Кто сидел на лавках, кто стоял, подперев стену. На сцену вышло несколько человек, и среди них был Михаил. Говорил ладно и складно: про жизнь тяжёлую и никчёмную, про «темноту», про вред религии, что культурное наследие прошлого должно принадлежать пролетариату, про построение принципов передового пролетарского искусства и литературы.

— Как сказал товарищ Луначарский, наш первый нарком просвещения, — вещал революционер, — скоро мы воплотим идеал новой жизни, образ передовой личности Советской России: «физического красавца, гармонично развивающегося, широкообразованного человека, который знаком с основами и важнейшими выводами в самых различных областях: технике, медицине, гражданском праве, литературе...»

В первую очередь, — продолжал он, — ликвидировав безграмотность, мы выведем молодую республику в первые ряды культурных стран. Крестьяне и рабочие должны понять важность данного процесса, иначе борьба с неграмотностью невозможна. Грамотность может увеличить способность к повышению материального благосостояния, грамотность улучшает экономическое положение рабочих и крестьян.

Слушая его, Анастасия задумалась о своей безрадостной, монотонной, однообразной жизни, полной унижения, тяжкого труда, тревог за своё будущее, а особенно за будущее сына, о тётке, прожившей такую же неприглядную, тусклую жизнь и ушедшую безвременно от непомерных тяжестей и от бессмысленных страданий из-за нелепых устоев общества, о жизненной усталости в бесконечных заботах о пропитании.

В какие-то моменты его речи робкий солнечный луч пробивал мрачные, тёмные тучи её существования, светлое пятно расширялось и окутывало Настино сердечко, и она начинала испытывать волнующую радость, возникающую из неведомых глубин сознания.

Это ощущение заставило девушку пойти учиться. Всем учащимся дали буквари «Долой неграмотность», специально разработанные первые советские массовые учебники для взрослых с известным лозунгом на первой странице: «Мы — не рабы, рабы — не мы».

Они стали мощнейшим средством политической и социальной пропаганды: читать и писать учили по лозунгам и манифестам. Среди них: «Заводы наши», «Мы были рабы капитала... Мы строим заводы», «Советы установили 7 часов работы», «У Миши запас дров. Миша купил их в кооперативе», «Малышам нужна прививка оспы», «Среди рабочих много чахоточных. Советы дали рабочим бесплатное лечение».

Таким образом, первое, что узнавал прежний «темный» человек — что предоставляет ему новая власть: политические права, здравоохранение и бытовые радости. По первым учебникам особенно заметна основная цель ликбеза — создание человека с новым сознанием.

Бороться с неграмотностью поручили более или менее грамотным людям. Они должны были не только учить народ читать, писать, четырем действиям арифметики и считать в пределах одной тысячи, но и обучать основам наук, определять цели и задачи строительства советского хозяйства и культуры, вести беседы на антирелигиозные темы, разъяснять элементарные правила личной гигиены и социального поведения.

Занималась Анастасия три раза в неделю по вечерам с 6 до 9 часов. Для обучения освобождали от работы на два часа раньше. Первые 5 уроков давались с трудом, но, благодаря ежедневной тренировки и врождённой сообразительности, вскоре она уже могла не только читать,

но и одновременно получать определённые знания из бесед учителя на какую-либо тему из букваря.

С каждым уроком текст в учебном пособии увеличивался в объёме и становился более трудным, и в итоге перешли на чтение книг и газет. Чтение способно было выучить всему: правописанию, построению фраз, составлению рассказов. Практиковалось коллективное чтение. Для этого бралась небольшая книга, и учащиеся по очереди читали текст. Читали дома, а в кружке происходил разбор прочитанного. Неграмотные обсуждали непонятные или спорные вопросы, подготавливали доклады.

Сначала Настя, как и другие ученики, ужасно стеснялась выступать, но со временем это прошло. Появлялись вопросы по прочитанному, возникали споры, доводы с примерами из текста. Для преподавателя это и было главным критерием успешного обучения: активность учащихся, когда каждый мог высказать своё мнение, задать вопрос, ответить, проанализировать, сделать выводы.

Через 4 месяца, к концу обучения, Анастасия умела не только читать, писать и считать печатные и письменные шрифты; записывать краткую информацию, которая необходима в жизненных делах; но и разбираться в схемах и диаграммах; считать и записывать проценты, дробные и целые числа и даже знала устройство государства.

Михаил не отставал от неё во время обучения. Приносил ей книги, газеты и очень радовался, когда видел неподдельный интерес и даже некий восторг от прочитанного и полученных новых знаний. Понимая, как Насте тяжело совмещать учёбу, работу и присмотр за ребёнком, иногда брал Васю с собой (бывало и с ночёвкой) в соседние деревни на проверки ликпунктов — так назывались школы грамоты.

Мальчишка не очень любил ходить с Михаилом в такие далёкие дали — уставал сильно. Ему больше нравилось находиться в мастерской у дяди Алексея. Но, когда они шли через Скит Гефсиманский, Вася шёл с удовольствием. Там всегда вкусно кормили. При монастыре была создана сельхозартель, и монахи, чтобы не умереть с голоду, трудились на полях: жали серпами рожь и сажали овощи в огородах.

Скит всё ещё жил по строжайшему уставу, женщины туда не допускались, мужчины и то не все. Но Михаила с Васей монах-привратник всегда пропускал за ограду, в трапезную, где их непременно кормили. Молодой, улыбающийся монах давал им по глиняной миске заправленных постным маслом и луком горячих кислых щей, отрезал от большого каравая два огромных ломтя хлеба и ставил на стол глиняный кувшин с ледяным квасом.

В монастыре, как и в любой крестьянской избе, сами пекли в русских печках на капустных или кленовых листьях круглые ржаные караваи с верхней румяной корочкой. Иногда наливали молока. Васютке, после долгой дороги, часа в полтора, казалось это самой вкусной едой на свете.

Нравилось ему с этим дяденькой ходить ещё в Вифанский монастырь, или просто Вифания, где были Вифанские пруды. Пока Михаил делал свои дела, Васька не вылезал из воды. Здесь и научился плавать и нырять сам, без подсказки. Больше мальчик ходить с Михаилом никуда не любил, даже иногда капризничал, убегал и прятался на время, пока дяденька не уйдёт, не дождавшись его.

Такое участие в её судьбе растопило Настасьино сердце. Доброе, заботливое отношение вызвали в ней ответные чувства. Никто и никогда не проявлял к девушке такого внимания. И Настя уступила уговорам Михаила жить вместе, перебраться им с Васей к нему в комнату.

Ещё одной немаловажной причиной к этому послужили перебои с продовольствием. Почти с самого начала советской власти в стране появились пайки и «распределительная система». В 1918 году был создан «классовый паёк».

Настин в несколько раз меньше пайка Михаила, так как мужчина состоял в городском Совете народных комиссаров. Под его руководством и контролем (отделом Наробраза) нахо-

дилось просвещение всего района. А если учитывать недостаток продовольствия, то нередко люди получали половину от положенного, а то и треть. В 1919 году Настя получала на месяц 1400 граммов муки, килограмм квашеной капусты и два коробка спичек. Не сильно наешься. Летом и осенью все шли на заготовки в лес: за грибами, черникой и всем, что найдут.

Михаил был очень рад Настиному переезду и пообещал, устроить её на работу в аппарат, когда она закончит обучение. Только ей надо хорошо выучиться, потому что там писать много надо будет. Действительно, те, кто успешно завершал учёбу, мог выдвигаться на общественные должности. Их имена оглашались в газетах, на собраниях.

Так зимой и произошло, даже ещё лучше. Они переехали из гостиничной комнаты в дом. Дома тогда освобождались часто. Кого-то арестовывали по обвинению в «контрреволюционной деятельности», кого-то раскулачивали, и дом просто отнимали, а кто-то уезжал сам, бросая всё, так как жизнь становилась слишком опасной.

Дом был двухэтажный: низ невысокий, каменный, верх деревянный, с высокой крышей, крытой старым тесом. Настя с Васей заняли первый этаж, а на втором поселился товарищ Михаила — Сергей Белов — тоже большевик и агитатор.

Миша обещание своё сдержал и устроил на работу в госаппарат. Теперь она получала повышенный паёк и на себя, и на сына. После работы Настя приходила домой и крутилась по хозяйству: топила, убирала, стирала, кухарила. Готовила много, по вечерам на втором этаже собирались целые собрания: приходило много людей, все ели, пили и много говорили о революции, о партии коммунистов, о новой жизни.

Говорили, что «наше поколение, наши дети — юные коммунары — не увидят того кошмара, который переживали наши деды и отцы. Мы проложим им дорогу в светлое царство социализма, поднимем пролетарскую культуру на недостижимую высоту, разовьём технику и машины до максимума и доведём рабочий день до минимума».

Редко Насте удавалось оторваться от забот и трудов и поучаствовать в их беседах. Но, слушая, у неё предательски возникала мысль о том, что в её-то жизни так ничего и не изменилось. Как трудилась от зари до зари, так и продолжает. Но девушка такие мысли гнала, оправдывая это тем, что она «тёмная» ещё, хоть и выучилась, но до конца не понимает.

Что ей надо? Живёт в тепле, сытости, к Васеке все хорошо относятся. Он вырос в деловитого и вдумчивого мальчика небольшого роста с копной чёрных курчавых волос. Его и правда все любили за серьёзность и самостоятельность, приносили сладости, игрушки и учили кататься на коньках на катке, который устраивался на льду Белого пруда.

К весне жизнь Анастасии засияла новыми красками. «Наверное, бог услышал мои молитвы», — шептала про себя вконец измученная за зиму девушка, еле волоча ноги с работы. Михаила и Сергея призвали во всесоюзный культпоход на агитационно-инструкторском поезде. Так их наградили за отличные успехи в ликвидации неграмотности в районе.

Это была одна из новых и своеобразных агитационно-массовых и организационных работ партии и советского правительства среди сомневающихся трудящихся. В обязанности работников агитпоездов входило проведение митингов, собраний, бесед с рабочими, крестьянами, красноармейцами, разъяснение трудящимся международного положения и внутренней политики Советской власти и тому подобное. Коллективы агитпоездов распространяли литературу, выпускали газеты и листовки, организовывали демонстрацию кинофильмов.

Когда ребята уехали, Настя несколько дней вообще по дому ничего не делала, только топила и Васю кормила. Потом собралась с духом, навела идеальную чистоту в доме, прибралась в небольшом палисаднике, даже посадила кой-какие цветы и зеленушку. Более того, стала выходить вечерами с Васяткой на улицу, садиться на скамейку у окна, пить чай и любоваться цветущей сиренью и жимолостью.

— Вот и зажили мы с тобой, сынок, как баре, — говорила она с упоением. — Разве ж заслужили мы такое?

— Заслужили, заслужили, мамка, — поддакивал сын, горячо обнимая мать своими ручонками и сильно прижимаясь к ней.

— А хочешь, завтра пойдём по «насыпи» гулять? — заходясь от счастья, с придыханием, предлагала она.

«Насыпью» называли железнодорожное полотно. Это было в городе, можно сказать, единственным местом для желающих прогуляться на хорошем воздухе, среди лугов, полей и перелесков.

— Хочу, пойдём, — радовался Вася, который ни разу в жизни не гулял нигде с матерью.

— Пойдём, пойдём. Вот завтра с работы приду и пойдём. Да? — захлёбываясь от радости, не проговорила, а пропела Настасья.

Васька ещё сильнее прижался к ней и скоро уснул. Так и просидела она до темноты, боясь спугнуть поглотившее её первый раз за жизнь ощущение благодати и безмятежности.

Летом Настя почувствовала, что чем-то опять прогневала бога и сглазила своё счастье. Она поняла, что беременна. Это осознание прибило как гром среди ясного неба, будто небо от этого грома рухнуло на землю.

Теперь вечерами, когда Василий крутился в мастерской у Алексея, она приходила с работы, кидалась на кровать и тихо плакала о своей несчастной доле. Такой и нашёл её приехавший из командировки Михаил. Эта новость его не обрадовала, но и не расстроила так, как Настю.

— Ну что так убиваться, Настюша? — пытался он как-то успокоить её. — Прокормим, в тепле, Васька в школу пойдёт. Ну справишься же. Паёк тебе увеличат, как кормящей.

— Тебе не понять... Я жить только начала, — всхлипывая, шептала девушка. — Я Ваську только увидела, почувствовала. Я счастье... узнала...

Вдруг она резко села, схватила его за плечи и начала трясти.

— Ты же пользовался... Говори! Ты же не любишь... не любил меня... никогда, — бесвязно бормотала она сквозь слёзы. — Останься! Не уезжай больше никуда никогда! Ты же можешь!.. — Настя вонзила в него полубезумный страшный взгляд отчаяния, упрёка, надежды и бесконечной обречённости. Он прожег мужчину изнутри. Михаил не выдержал этот взгляд и отвёл глаза.

— Аааа... — захлебнувшись слезами, она оттолкнула его и махнула рукой.

В начале августа в городе произошёл грандиозный пожар, потушить который не могли две недели. От огня пострадала Лавра и бессчётное число частных домов. Михаил с Настей испугались до жути, боролись, отливали и кое-как отвоевали свой дом.

С началом осени Васю собрали и отправили в школу. Вскорости Михаил опять отправился на агитацию. А когда весной приехал, то узнал, что у него теперь есть дочь Анна. Девочка родилась слабенькая, худенькая, но хорошенькая. Он, сам себя не узнавая, прямо прилип к ней: носил на руках, играл, крутил, подбрасывал, агукал, щекотал. Но скоро опять уехал.

Анастасия к Анне была равнодушна совсем. Договорилась с соседкой за продукты, чтобы та за ней смотрела. Придёт, покормит и опять быстрее на работу бежать. А когда от груди отняла, так и вообще поздно приходить стала.

Когда Аня подрастать начала, то люди заметили, что та немного отстаёт в развитии и голову чуть заводит вбок. Говорили матери, что врачу бы надо показать. Но Настя отказывалась и говорила, что израстётся, а если нет, то пусть отец приедет и показывает. Михаила не было уже около двух лет.

Только Вася очень любил сестру. Из школы он бежал к дядьке Алексею, где всей мастерской ему помогали делать уроки, если чего не понимал, а потом быстрее домой к сестре. Ему нравилась её непосредственность и открытость. В отличие от отсутствующего отца (совсем несуществующего) и вечно хмурой, несчастной и озлобленной матери, Аннушка всегда была

рада брату, обнимала его, целовала. Он чувствовал её, такую живую и родную. Ему необходим был человек, который любил бы его просто так, только за то, что он есть, без взрослых сложностей, легко.

Ранней весной Вася водил Аню на масленичные гуляния. Они с трудом пробирались сквозь толпы зевак, чтобы посмотреть на праздничное катание по кругу, в два встречных ряда на расписных или обитых коврами санях, с украшенной лентами и бумажными цветами сбруей.

Летом Василий ходил с сестрой гулять. На седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы всегда был женский праздник — Семик. Они шли по безграничной зеленой долине, в середине которой блестела узенькая речка. Солнце весело освещало густую, мягкую зелень, оттеняя холмики и склоны. Душистый ветер овеивал со всех сторон. Анна уставала, они ложились на молодую траву отдохнуть и рассматривали облака.

На речке живописно паслось многочисленное стадо. Неожиданно из-за холма появлялось множество нарядно одетых женщин — молодых и старых, которые красиво пели высокими голосами что-то родное. Впереди несли большую березку, украшенную красными лоскутками и лентами. За ними шли девушки с несколькими берёзками поменьше, которые они потом втыкали кружком на склоне около пастухов и, расположившись группами, танцевали, образовывая хороводы. Держась за руки, они прыгали весело, но как-то по-козлиному. Поодаль водили ещё такие же хороводы.

Пенье тех и других смешивалось и казалось шумом ветра в ушах, очень высоки были звуки. Обязательно доили коров и угощали детей. Затем начиналось угощение пастухов. Все, у кого тут пасся скот, приносили водку, дарили пастухам деньги с каждой бурёнки, яйца, хлеб. Пастухи были довольны. Потом каждая женщина уносила домой берёзовый прутик от сглаза и порчи.

Осенью Вася пошёл в школу, а Аню отдали в детский сад. Мать совсем не интересовалась дочерью. Брат утром отводил сестрёнку в садик, вечером забирал, кормил, развлекал. В саду, видя, что мать фактически отсутствует в жизни девочки, жалели её, иногда занимались с ней дополнительно. Анечка стала понемногу отходить, исправляться. Вася был этому несказанно рад и читал ей книжки с картинками.

Но здоровьем Аня была очень слабая, болезненная. Да и приступы случались судорожные и дыхательные. Вдруг на пол рухнет и глаза закатывает. Персонал детсада неотложку вызывают, в больницу её определяют и матери сообщают. Она там полежит день—два, и Настя за ней Васю посылает.

Василий учился хорошо. А если филонил, то мужики в мастерской ему мозги промывали. Он у них как сын был. Воспитывали, помогали, если просил. Подсмеивались над ним по-доброму.

Например, рассказывал он им:

— Люблю я арифметику, математику всякую, геометрию: задачки решать, теоремы там. Пошёл нынче к доске решать. Стою, пишу, объясняю, а потом к концу говорю: «И теперича получается...» А учитель мне: «Нет такого слова — «теперича», Василий, надо говорить — теперь», и все заржали, как кони. Как же нет такого? Все так говорят.

Мужики тоже грохнули.

— Ну и вы туда же, — расстроился парень. — Вы же сами так говорите. Все так говорят.

— Все так говорят, а ты говори, как учитель говорит, балбес. Зачем в школу ходишь? Чтоб учиться правильному.

После этого случая, когда Вася заходил в мастерскую, шутили:

— Смотрите-ка, теперича к нам Васька пришёл! — и хохотали.

Михаила так и не было, а вот жизнь в городе стала меняться. После первой мировой, революций и Гражданской войны народное хозяйство совсем было разрушено. Голод усиливался, появились болезни и эпидемии, функционировала карточная система, образовались

очереди за хлебом. Чтобы хоть как-то поправить положение, Ленин в переходный период от капитализма к социализму разработал и ввёл новую экономическую политику (НЭП).

Снова разрешили частное предпринимательство и торговлю. Для организации торговли, восстановления лёгкой промышленности были допущены к хозяйственной деятельности мелкая и средняя буржуазия, которая имела опыт, капитал, доверие кулаков в деревне.

В городе выдавали разрешения на торговлю в палатках, вразнос, в лавках и магазинах. В продаже появились хлебобулочные и кондитерские изделия, открылись бакалейные магазины, чайные, столовые, восстановили производство колбасных изделий и торговлю мясом, скупщики вернулись к оптовой закупке игрушек.

Даже десятилетний Василий стал зарабатывать копейчку-другую в мастерской у дядки Алексея. Ему уже доверяли какую-нибудь не особо сложную работу. Про деньги Вася матери не рассказывал. Он покупал на них всякие сладости, и они с сестрой Аней, пока мама на работе, устраивали «пир на весь мир».

Ещё через пару лет вдруг появился на порог Сергей Белов.

— Здравствуй, Настя! Я за вещами приехал. Угощать будешь? Или выгонишь взашей? — засмеялся он.

— Ну чего выгонять такого дяденьку красивого? — в ответ пошутила Анастасия. — Самим такой сгодится.

Они оба посмеялись, и Настя накрыла на стол, а потом спросила:

— Ты нам лучше про другого красивого дяденьку расскажи. Меня-то ладно, я привыкла. А что же он дитё своё родное бросил. Как ведь нянчил-то, нянчил.

Сергей рассказал, что живут они оба с Михаилом в Сибири, но в городах разных. Три года назад получили назначение на новое место работы в эти города. Михаил был назначен на руководящую должность в райотделе народного образования, да так и продолжает заниматься борьбой с неграмотностью. Участвует в методических мероприятиях, в семинарах, конференциях и совещаниях, посвящённых вопросам обучения взрослых, обмена опытом с коллегами и повышения квалификации.

Потом он замолчал, серьёзно посмотрел Насте в глаза, помялся и сказал:

— Не жди его, Настасья. Он там женился, дети у него там.

Анастасия, сглотнув ком в горле, проговорила:

— Я и не жду. Понятливая. А дочь свою пусть забирает. А то дети! А это что — не деть? Измучилась с ней. Больная она вся. Вон, опять в больнице лежит. А у меня ещё деть есть. Если б не он, я бы уже свихнулась. Что я всё одна должна и одна? — сбивчиво затараторила Настя, села и не сдержалась — расплакалась. — Так ему всё и скажи, — добавила, ушла в комнату и закрылась.

Через месяц пришло письмо от Михаила. В нём он писал, что просит у Насти прощения. Что Сергей ему всё передал, но он не в состоянии забрать Анечку не только потому, что не может, а Сергей разговаривал с врачом, и тот сказал, что сибирский климат сделает ей только хуже.

Ещё написал, что помнит о Васе, который скоро кончит школу, а Михаил знает, что в городе не в этом, так в следующем году откроют Школу младшего командного состава НКВД РСФСР (сержантскую школу), и он высылает им рекомендательное письмо, которое даст право Василию туда поступить, если же он хорошо закончит обучение и вступит в комсомол. Писал, чтобы не отказывались от этого, так как там его будут одевать — выдадут форму, кормить и снабжать всем для учёбы. От этого Насте ещё легче станет. И ещё раз просил прощения.

Настя, дочитав до конца, швырнула листок на пол, откинулась на спинку стула и подняла глаза к потолку. «Зачем мне твоё „прости“? — крутилось у неё в голове. — Ты думаешь, это возможно? Гад!» На душе не было обиды, упрёка, претензий, а была только пустота, запол-

ненная злостью и мстью. И ей казалось, что, только если он выполнит её требование забрать ребёнка, она будет удовлетворена мстью, и злость отступит.

Вывел её из оцепенения Васька.

— Мам, ты чего? Заболела? — испугался он.

— Нет, сынок, сейчас накормлю, — вскочила Настя и побежала накрывать на стол.

Вася увидел валяющееся письмо, подобрал его, прочитал и спрятал в надёжное место.

Действительно, через год Василий, став комсомольцем и воспользовавшись рекомендательным письмом Михаила, поступил в сержантскую школу. Ему выдали зимний шлем тёмно-серого цвета с краповой звездой, фуражку, гимнастёрку, тёмно-синие шаровары-бриджи с малиновыми кантами, шинель и сапоги, и он стал со всей серьёзностью осваивать новую профессию.

Тем более что ходить ему теперь было особо некуда. Домой не хотелось: смотреть на полуобезумевшую мать. Анютка подросла и уже сама ходила в детский сад и из больницы, когда её отпускали.

Дядя Алексей, разжившись за годы НЭПа, уступил отцу и наконец-то женился. Стал много времени проводить у жены, в соседней деревне. Её родственникам требовалась помощь по хозяйству, так как они взяли в аренду много земли.

Весной Аня совсем разболелась: приступы участились, да ещё и простуду какую-то схватила. В больнице больше месяца пролежала. А поскольку Вася учился целый день, приходилось Насте самой крутиться.

А врачи, как увидели мать, стали её стыдить и призывать лечить ребёнка как следует, обследования делать, анализы сдавать, говорили, что лучше с ней в Москву ехать, там медицина пока качественнее. И в школу в этом году нельзя отдавать, потому что хуже ей будет. Настя совсем сникла, хотя упоминание о Москве зацепило её сердце.

Она нашла у Васьки письмо от Михаила с обратным адресом и накатала ему угрозу, что если он не приедет и не начнёт лечить дочь, то она умрёт. А у неё, у Насти, нет средств и времени Анну по московским врачам возить. И что у него больше возможностей, он начальник и его скорее послушают. А она кто? И если он не приедет, то это будет на его совести и бог его накажет.

Ответ пришёл только летом. Михаил писал, что старается перевестись в Сергиев, но его не отпускают. Просил Анастасию пока подождать, что, скорее всего, к концу лета или к осени что-то получится.

После прочтения этого, у Насти на миг потемнело в глазах, она подняла голову, посмотрела на себя в зеркало, и кровь застыла в её жилах. На неё глядела незнакомая старая бабка с безумными глазами, точащими во все стороны клоками поседевших волос, и омерзительным скрипучим голосом хохотала. Озноб пробежал по всему телу, и невольно поднялась рука, чтобы загородить лицо. Всё, что было дальше, вычеркнулось из Настиной памяти навсегда.

Когда Вася к концу лета окончил первый курс обучения, и на торжественной линейке ему вручили справку об оценках по пройденным дисциплинам и других его достижениях, в том числе спортивных, он быстрее побежал домой похвастаться матери. Нет, он бы, конечно, сначала доложил дядьке Алексею, но его всё лето не было в городе, поэтому и рванул домой.

— Мам, смотри, смотри! — с гордостью кричал он с порога, держа бумагу в поднятой руке.

Но то, что он там увидел, его потрясло. Везде были разбросаны вещи. Некоторые лежали, завязанные в узлы и запакованные в чемодан, остальные мать собирала, складывала и тоже старалась завязать, упаковать.

— Что происходит? — спросил, недоумевая, Васька. — Что ты делаешь? Мам, что ты делаешь?

— Ничего, ничего. Там нам лучше будет, всё забудем. Легче будет. Там нас никто не знает, — тараторила мать. — Смотреть никто не будет. Хорошо, хорошо там будет...

— Где там?

— В Москве, в Москве, сынок. Я туда ездила и работу нашла, в кадрах, как здесь. Комнату нам дадут. И ты там работу найдёшь. Ты умный, работающий. Тебя возьмут.

— А учёба моя как же? — приуныл Васька.

— А там и учиться пойдёшь. Лучше, чем здесь. Там знаешь сколько училищ всяких? Там и учат лучше. Здесь плохая учёба. Здесь что? Выучишься, пойдёшь работать, и тебя убьют. Убьют, убьют. Я знаю, мне люди рассказывали. Да и не любишь ты это. Тебе бы больше в мастерской у Лёшки торчать, да руками что-нибудь пилить. Собирайся, Васечка, поехали. Лучше там.

— А Аня где?

— В больнице опять. В больнице. Вот вещи её собрала. Иди, отнеси ей. Да не задерживайся. На вечернем поезде поедет.

— Как отнеси?! Ты что, её не берёшь? Тут оставляешь? Ты что, дура? Обезумела совсем?! — заорал сын.

— Тихо, тихо. Её отец заберёт. Он приедет. Он обещал, — оправдывалась скорее перед собой, а не перед сыном Анастасия. — Не веришь? Вот, смотри, смотри. Покажу тебе.

И, порывшись в комод, достала письмо Михаила и протянула Ваське.

— Вот. Читай. Сам читай. Я не вру.

Вася прочитал письмо, немного успокоился и сказал:

— И что это? А если не приедет? Куда её? Ахинея какая-то, — соображал парень. — Нет, не поеду я никуда. Здесь с сестрой останусь. Куда её?

— Она пока в больнице полежит. А там и папка за ней приедет. Он её вылечит, выучит, — Настя стала говорить тихо, вкрадчиво, с блаженной улыбкой на безумном лице. — А я что?..

— Хватит, мам, прекрати этот бред. Всё, уезжай одна и работай там, в своей Москве, — решил Вася. — А я здесь с Аней как-нибудь.

— А как-нибудь? Мал ты ещё. Дом-то заберут, а тебя с сестрой в детский дом определят, — пришла в себя Настя и вдруг бросилась на колени и стала на них двигаться в сторону сына. — Васенька, милый мой! Ты же не знаешь, как я всю жизнь промучилась. Наелась я здесь досыта труженичества, стыда, унижения, гадостей всяких. Весь город меня стороной обходил. Кто ж меня только не судил! А разве ж я виноватая в чём? Да неужто нельзя мне пожить в сытости, благодати и спокойствии? Что же я всю жизнь слезами умываюсь?

— Не получится в благодати, сотворивши такое, — ответил сын. — Всю жизнь себя корить будешь.

Мать ползла всё ближе к нему на коленях и словно не слышала сына, продолжала:

— Что же вы меня бросаете все? Как мамка с папкой, как дядька с тёткой, как братья, Михаил? Что ли, я прокажённая какая? Теперь и ты, надежда моя и опора! Пропадут же я без тебя! Одно плечо у меня рядом — твоё, и то лишаешь...

Легла на пол и зарыдала. Вася тоже зарыдал. От жалости к матери — он же видел и всё чувствовал с детства. От жалости к сестре — что с ней будет? Возможно ли такое?

В Москве устроились они неплохо. На окраине, в Лефортово, точнее сказать, в районе завода «Серп и молот». Мать, как и планировала, пошла работать на Винзавод. А Василий тоже, как и ожидалось, недолго искал работу.

Строительство большого количества новых фабрик и заводов, реконструкция всего народного хозяйства на базе новой техники вызвали острую нехватку специалистов и повышенный спрос на рабочую силу, особенно более или менее квалифицированную. Когда он продемонстрировал свои токарные умения, его сразу взяли в токарный цех к станку.

— Ничего, доучишься ещё маленько на новое оборудование, и пойдёт дело. Азы у тебя есть. Иди оформляйся, — сказал мастер цеха.

У Васи началась новая жизнь по часам и гудкам, как у всего рабочего класса.

Через год Анастасия с сыном переехали из барака в выделенную на заводе комнату: настоящую, просторную, в 3-комнатной квартире с небольшим, но залитым солнцем окном. Даже с соседями ей повезло.

В комнате поменьше жила пожилая, интеллигентная, одинокая женщина Людмила Яковлевна. До революции она была женой приказчика, купца Алексеева, сколотившего солидный капитал на торговле лесом и производстве бумаги. Муж и двое сыновей сгинули в жерновах революции. Раньше все эти комнаты принадлежали её мужу, но после Октября их уплотнили, оставив для жилья одну небольшую комнатушку.

Второй Настиней соседкой была тётя Паша — Прасковья. Женщина бойкая, крупная, лет около пятидесяти. Она проживала вдвоём с мужем. Оба работали на молочном комбинате, трудились много, рано уходили на работу и поздно приходили. Но иногда, по особым случаям, у них собиралась вся большая и шумная семья. Приезжали дети, привозили внуков.

Тётя Паша, как обычно, возвратившись поздно с работы, проявляла чудеса хозяйственной ловкости. Делала вечером какие-то заготовки и ложилась спать, а к утру уже были готовы и вареники с картошкой, и пироги с капустой, и ватрушки, и винегрет, и селёdochка разделана, кусочками разложена, лучком присыпана, и холодец застывал, и много других вкусностей, которые тётя Паша с мужем заготавливали летом и осенью: маринованные грибы, огурцы, капуста, яблоки мочёные и прочее. Всё в её руках спорилось и ладилось.

В такие дни к столу обязательно приглашали всех соседей: и Анастасию, и Васю, и Людмилу Яковлевну. Настя от новой жизни расцвела, похорошела и даже ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин, начала флиртовать, улыбаться и хохотать.

Со стороны Василию казалось, что его мать осталась в том Сергиево-Посадском доме, несчастная, рыдающая, измученная физическими и душевными страданиями, а в Москву привезла его совершенно чужая тётка, прожившая всю жизнь сыто и радостно. Он иногда злился на неё, осуждая за брошенную сестру, дерзил и грубил ей. Но, со временем решил, что когда станет совершеннолетним — в 18, 19 или уж в 20 лет точно, непременно поедет, найдёт Аню и заберёт её.

На IX съезде в 1931 году комсомолцы взяли шефство над авиацией. Для сбора средств на строительство новых самолётов они организовывали субботники и воскресники, проводили агитацию среди молодёжи для поступления в лётные училища и технические вузы, где готовили специалистов для авиационной отрасли.

Дефицит кадров делал главной задачей, которую партия поставила перед комсомолом, в кратчайший срок подготовить новых специалистов, обладавших высокой квалификацией, способных освоить, улучшить и модернизировать авиационную технику для гражданской и военной авиации.

В массы внедрили крылатый лозунг: «Комсомолец — на самолет!» Открылись десятки новых аэроклубов, рабочих факультетов, школ фабрично-заводского ученичества, лётные и технические военные училища, Московский авиационный техникум с конструкторским, моторостроительным, самолётостроительным и эксплуатационным отделениями, где готовили молодых людей, которые получали не только технические знания, но и постепенно включались в процесс промышленного производства.

Комсомольские организации на местах инициировали соревнования и конкурсы на лучшее предложение по улучшению авиационной техники и организации полётов. Это способствовало не только развитию авиации, но и повышению технической грамотности и изобретательского духа среди молодёжи.

Происходящие вокруг события не оставили равнодушным юный, пытливый и технический ум Василия. Так он оказался на заводе опытных конструкций (ЗОК) — ЦАГИ, как молодой, но достаточно опытный специалист.

Громадный по тем временам сборочный и обслуживающие цеха с большущим парком металло- и деревообрабатывающих станков, позволили объединить опытное самолётостроение в единое русло. Руководитель ЦАГИ — А. Н. Туполев говорил, что авиационная наука развивается на базе практики, то есть решая проблемы, возникающие при создании опытных образцов самолётов.

Туполев полностью разделял решение 16-й партийной конференции 1929 года, определившее снять с вооружения все иностранные самолёты и заменить их современными отечественными. Андрей Николаевич неодобрительно относился к покупке и копированию иностранных аппаратов. «Они нам предлагают самолёты, которые уже показали хорошие результаты, иначе говоря, конструкции вчерашнего дня, не сегодняшние и, тем более, не завтрашние, которые ещё лежат в портфелях конструкторов. Пока купленный образец будет внедряться в наше производство, пройдёт как минимум два года, и в результате мы будем иметь вместо машины сегодняшнего дня — серию покойников. Выход один — развивать свои оригинальные конструкции, идя путём опытов и накапливая этот опыт».

«...мы можем создавать самолёты, которые далеко опережат всё, что имеется у капиталистов. Это мы сделаем потому, что Советской стране нужна крепкая авиация, нужна такая крепкая авиация, чтобы никто не решился подойти к нашим границам».

В 1932 году ввели в строй Завод опытных конструкций (ЗОК), одновременно КБ Туполева переехало в новое здание КОСОС — Конструкторского отдела сектора опытного самолётостроения (дом № 24 по улице Радио в Москве) при заводе. Получалось, что какая-либо схема сразу передавалась в детальную проработку конструкторского бюро и затем заводу для выполнения.

Помимо чертежей «в натуру», лепили модели и делали деревянные макеты. На них проверялась целесообразность конструкции, её удобство в эксплуатации. Строились натурные макеты различных агрегатов, что позволяло своевременно выявлять конструктивные дефекты. Тогда не только строительные конструкции, но и помосты, площадки были деревянными. Цех напоминал лес. Из-за нехватки площадей работы велись в два яруса. Вверху, например, шла сборка крыла, а внизу, под ним, трудились над оперением (конструкцией хвостовой части самолета).

Василия поглотил этот процесс и он готов был круглосуточно не уходить с работы. Особенно когда в цех приходил сам Туполев. Его прозорливость, целеустремлённость и умение увлечь вдохновляли всех. И ему платили глубокой преданностью, твёрдо веря в его техническую интуицию, колоссальный опыт и человечность. Он сам мог показать, как обращаться с молотком и надфилем, рубанком и рейсмусом.

Пару раз Василий, набравшись храбрости и будучи абсолютно уверен в своей правоте, осмелился предложить кое-какие усовершенствования в работе. Он знал убеждённости Туполева в том, что «самое страшное — это дурак с инициативой» и уже приготовился стать посмешищем у всех присутствующих. Но Андрей Николаевич прищурился, посмотрел наверх, подумал, а потом спросил:

— Как звать?

— Васька, — ответил смущённый молодой человек.

— А молодец, Василий! Ведь прав! Не покоряйся! — И пожал ему руку.

В следующий раз на предложение парня он сказал:

— Бог тебе судья, Василий, это твоё хозяйство! Не больно понял, но поверил!

Мог руководитель, конечно, и сильно отругать, но только за конкретную и очевидную ошибку — «за дело», по справедливости, поэтому никто не обижался. Василий так увлёкся работой, что даже на танцы ходил через раз, хотя и охотлив был до женского пола.

Придя утром на смену, Василий переоделся, запустил станок и услышал голос за спиной.
— Фёдоров, в отдел кадров! Срочно!

Приоткрыв дверь, он постучался и зашёл. Хотел спросить: «Вызывали?», но увидев его, кадровичка сразу затараторила:

— Фёдоров Василий Васильевич, на Вас запрос пришёл — в армию.

— Как в армию? Рано мне по возрасту — 20 мне только, — пытался возразить Васька.
— Вроде ж с 21 года берут.

— Ничего не знаю. Запрос есть запрос, — нарочито громко заявила женщина и тут же многозначительно кивнула ему на стул.

Он присел и приблизился к ней. Она оглянулась и начала шептать ему в ухо:

— Приходили тут, — она подняла глаза вверх. — Дело твоё забирали, изучали. Потом обратно принесли и говорили между собой, что ты подходящий, учился уже там, комсомолец. Характеристику потребовали. Забрали и на следующий день запрос принесли.

Василий ничего не понимал и тупо смотрел на неё.

— Ой, ну служить будешь в НКВД, в ОГПУ, в Москве, чудик, — вздохнула и продолжила уже громко, протягивая ему бумагу:

— Держите, Василий, обходной. Не затягивай давай. Быстро!

Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР включало в себя и органы госбезопасности, и органы рабоче-крестьянской милиции, и уголовный розыск. Также в подчинении ОГПУ находились особые части войск, необходимые для подавления контрреволюционных выступлений и бандитизма, главные управления пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений.

Здесь не поспоришь. Василий всё сделал как надо и получил на руки бумагу «мобилизован в органы ОГПУ-НКВД».

Хронический недокомплект и высокая текучка из-за низкого качества кадров: зачастую случайно попавших, мало заинтересованных в службе, а потому слабо дисциплинированных сотрудников, ещё со времён 1920-х годов вынуждал органы пополнять свои ряды за счёт Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Так было и в других сферах: промышленности, сельском хозяйстве и тому подобном. Кадровый дефицит наиболее важных отраслей индустриализации компенсировался красноармейцами.

Поэтому на службе подразделения всех видов войск НКВД, кроме выполнения своих специальных задач по обеспечению государственной безопасности, охране социалистической собственности, охране важных объектов, таких как: железные дороги и ж/д сооружения, конвоированию заключённых, в том числе военнопленных, содержанию и охране исправительно-трудовых лагерей, привлекались ещё и к поддержанию общественного порядка на народных праздниках и крупных спортивных мероприятиях, участию в коллективизации, раскулачиванию и передаче имущества в колхоз.

В 1935 году НКВД занимался даже регулированием дорожного движения, проводил рейды по городу с целью предотвращения хулиганских действий, выявления беспризорников и всяких «подозрительных граждан».

Однажды летом, на 4-м году службы, в таком рейде Василий спас тонущего в реке мальчишку. Как оказалось, все его товарищи во главе со старшим командиром не умели плавать, и он один, не раздумывая, бросился в воду. Его за такой героизм похвалили за «бдительность, находчивость и смелость», подарили «ценный подарок» — радиоприёмник.

Смущённый Вася впопыхах рассказал другую историю, как однажды, когда они с матерью только приехали в Москву, он ходил, гулял, присматривался к новому месту жительства. И вдруг услышал визги и крики детворы. Побежал на шум и очутился около Яузы, где на той стороне малышня плакала и визжала, а постарше дети кричали: «Помогите, спасите, тонет!» и показывали руками на реку.

Вася присмотрелся и увидел ребёнка как будто пытающегося «зацепиться» за воду одной рукой, а другой удерживающего что-то белое. Голова то погружалась в воду, то выныривала наверх. Парень скинул ботинки, прыгнул в воду и вытащил девочку лет восьми, крепко-накрепко прижимающую к груди наволочку.

— Зачем тебе наволочка? — чуть отдышавшись, спросил он.

— Я на ней плаваю, — виновато заморгала она карими глазами и, откинув назад мокрую, волнистую шевелюру тёмных волос, добавила: — Я её надуваю воздухом, крепко зажимаю дырку, ложусь на неё и плыву. Всегда так. А сегодня что-то...

— А чего ты её держала? Бросила бы, — возмутился он. — С ней же тяжелее. Так и утонула бы.

— Ты что?! — ополчилась на него девица. — Мать же за неё убьёт!

Он совсем не ожидал такого ответа и рассмеялся.

Все, кто слушал его рассказ, тоже расхохотались. Командир всем дал команду разойтись, а Васю пригласил в кабинет.

— Ну что, Фёдоров? Пойдёшь в штат? — спросил он парня. — В партию тебя рекомендуем. Мы давно за тобой наблюдаем, и личное дело у тебя подходящее — прошерстили насквозь. Не всем предлагаем.

Василию всё же нравилось больше на заводе у станка. Там интереснее. Надеялся туда вернуться после демобилизации. Но и тут вырисовывалась неплохая перспектива. Во-первых, его раньше демобилизуют, во-вторых, здесь одевают — форму дают, в-третьих, можно рассчитывать на улучшение своего положения и быта, много льгот: на транспорте, жилищных условиях, при получении образования. Молодой человек попросил возможность подумать. Командир с неохотой дал ему месяц.

Всё бы ничего, но за время службы в НКВД, даже в качестве рядового, становилось понятнее, что героизм, мастерство и образование здесь ценились гораздо меньше, чем преданность и верность системе. Если не подчиняться карательному органу, то можно оказаться самому под прессом той же карательной машины.

В начале 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выдвинул тезис о нарастании классовой борьбы по мере продвижения по пути строительства социализма, тем самым дав теоретическое обоснование политическим репрессиям.

Теперь кадровая политика органов НКВД была направлена на воспитание сотрудников, готовых к репрессивным действиям. На личный состав оказывалось психологическое давление, режим работы был чрезмерно загруженным, почти круглосуточный. Вот и Василия, как кандидата в штатные сотрудники НКВД, решили задействовать в борьбе с врагами народа.

Поздно вечером их группа прибыла на очередную квартиру, вручила ордер на арест и произвела обыск. Что искать Вася не знал, но, как все, разбрасывал вещи, тщательно, постранично, просматривал книги и вытаскивал цветы из горшков.

Наутро он, честно глядя в глаза командиру, тихонько спросил:

— А за что мы вчера этого арестовали? Ничего же не нашли. Он же, получается, честный человек.

— Ой, Фёдоров... Быстро ко мне в кабинет, — так же тихо ответил ему старший.

Плотно закрыв дверь кабинета, он рывком посадил Ваську на стул, почти навалился на него и сквозь зубы зашептал в ухо:

— Ты что себе позволяешь? Ты что, заявляешь сомнения в правильности линии партии? Или ты умом тронулся?

Так закончилась карьера Василия в органах. Хорошо, что командиру нравился Вася за честность, добросовестность, аккуратность и исполнительность. Да ещё он был образованным, технически подкованным и сообразительным в отличие от многих здесь тюфяков. Как-то по отечески старший к нему относился и не стал портить жизнь парню. Не хотел он его отпускать, но и оставить не мог из-за своей уже безопасности.

Дослуживать определили Василия в военной школе авиационных техников с отработкой по предыдущему месту работы, если возьмут, и характеристику дали ту ещё, с формулировкой: «в связи с невозможностью использования ввиду его несоответствия и политической безграмотности». Уточнили: «в партию точно не возьмут, а на завод — не знаем».

В конце 1930-х годов в СССР проводилась масштабная милитаризация экономики, и военно-производственная служба (ВПС), направленная на обеспечение армии всем необходимым для ведения боевых действий, стала одной из ключевых составляющих данного процесса. Туполев в это время создавал боевые, военные самолёты. ВПС включала в себя не только производство, но и ремонт, обслуживание военной техники, обеспечение войск продовольствием, обмундированием и другими необходимыми ресурсами.

Вася, оформив перевод в училище, сразу отправился на завод решить вопрос с трудоустройством. Его встретила всё та же кадровичка широкой улыбкой, и он протянул ей документы. Прочитав, она резко перестала улыбаться и, вылупив на него округлившиеся глаза, сказала:

— Это надо решать у самого, — и, как обычно, подняла глаза вверх. — Сиди здесь, жди.

Вручив документы «самому» и напомнив ему в нескольких словах о Василии, услышала:

— А, Василий! Припоминаю, — задумчиво проговорил «сам» и просмотрел бумаги. — Учится... Хорошо... Вон как!.. Оформляйте! Сейчас как никогда нам нужны толковые люди.

Отдал ей документы и, немного подождав, для себя тихо добавил:

— Свои люди. Ишь, «несоответствие», — и ещё тише: — Все там были.

В памяти всплыл 1911 год, когда он пошёл по стопам своего отца-народовольца и стал участвовать в студенческих волнениях. За распространение нелегальной литературы Туполев был арестован и в административном порядке выслан из Москвы на родину, в Пустомазово, фактически в ссылку, под негласный надзор полиции.

Успешная учеба и активная научная деятельность его прервались. Только накануне Первой мировой войны ему удалось вернуться в Москву в училище, которое он с отличием окончил в 1918 году. Сам Андрей Туполев в студенческие годы был квалифицирован охранным отделением как «политически неблагонадежный».

Талантливый беспартийный конструктор был известен своим независимым характером. Однажды его спросили, почему он не хочет вступить в ВКП(б) — по убеждениям или потому, что ему это не нужно, он ответил: «Конечно, по убеждениям, потому что мне это не нужно».

21 октября 1937 года Туполева обвинили во вредительстве, шпионаже и арестовали. Из-за этого работа на заводе приостановилась, но Вася продолжал доучиваться в училище. Нагрузка была большая, поскольку, помимо физики, механики, технологии авиаматериалов, теории и конструкции самолётов и двигателей, отводилось время и на строевую, физическую и стрелковую подготовку, изучение правил обороны аэродрома, технических средств борьбы с диверсантами, общей тактики и Устава. По завершении образования и предоставления в военкомат удостоверения об окончании учёбы, его демобилизовали.

Новый нарком Л. Берия считал, что гораздо целесообразнее и полезнее для страны использовать труд арестованных «вредителей» по проектированию самолетов и двигателей. Он предложил создать Особое техническое бюро (ОТБ), где их работа проходила бы под кон-

тролем и в помещениях органов НКВД (попросту «шарашка»). Сталин с предложением главы НКВД согласился.

Ситуация к тому времени сложилась действительно трудная — возникла крайняя необходимость использования таких специалистов, как Туполев, в интересах авиации для создания новых летательных аппаратов. Проблема в самолетах стояла остро, а получалось, что высококвалифицированные специалисты по самолетостроению работали в тайге, на лесоповале.

Андрея Николаевича, давшего согласие работать в СТО (спецтехотделе) НКВД, названном ЦКБ № 29, отправили из Бутырки в Болшевскую тюрьму под Москвой, куда переводили специалистов-авиаторов. Туполев, по воспоминаниям соратников, даже будучи эком, твердил: «Наши идеи и самолеты нужны стране, как черный хлеб».

С конца 1938 года бригады авиастроителей по очереди перевозят в Москву, в здание Конструкторского отдела сектора опытного самолётостроения (КОСОС - ЦАГИ), на завод № 156 на ул. Радио, где прежде находились ОКБ и производственная база А. Н. Туполева.

На окна этажей, где поселили арестованных, изнутри установили решётки. Для прогулок предназначалась плоская крыша здания КБ, которую огородили. В ЦКБ-29 рядом с осуждёнными трудились вольнонаёмные специалисты. Чаще всего они занимали вспомогательные технические должности — инженеров среднего звена, техников, чертёжников, рабочих.

Парадокс был в том, что руководил тем или иным подразделением, как правило, заключённый, а подчинялись ему вольнонаёмные сотрудники. Василий с радостью вернулся на завод и вместе с другими, вдохновлёнными мужеством, выдержкой и стойкостью Андрея Николаевича Туполева, с усердием, самоотверженно взялся за постройку нового самолёта.

4. Любовь.

Так, с воспоминаниями о сестре, Вася и дошёл до дома. Матери ещё не было. На столе стояла кастрюля со щами, которые она приготовила с утра, перед работой. Но он решил сварганить себе любимой жареной картошки и пойти прогуляться. «Пусть сама ест свои щи», — подумал Васька. Сначала не хотел готовить с расчётом на мать, потому что воспоминания разбередали душу и всколыхнули злость, но руки сами почистили картошки на двоих, и пришлось смириться с давней привычкой, от которой даже служба в армии не избавила.

Выйдя на улицу, парень поёжился и застегнул куртку на все пуговицы. «Вечерами холодовато по сравнению с тёплым днём», — подумалось ему. На дворе стояла ранняя осень. Вася дошёл до парка, сел на лавочку и откинулся на спинку. Не хотелось ни о чём думать. Мысли о сестре никак не давали успокоиться. И чтобы немного перестало штормить, Васька глубоко вздохнул.

Прохладный, свежий воздух напомнил ему раннее детство, когда они с Лёшкой ходили на заготовки грибов. Запах опавшей листвы, мокрой земли, грибов, спелых яблок и хвои вернул его в Сергиев. Он закрыл глаза и остановил дыхание, подержал этот воздух в себе, сделал так несколько раз.

Потом, почувствовав, что на душе отлегло, огляделся. Небо уже было окрашено в золотистые оттенки закатного солнца, кое-где ещё доцветали, изо всех сил сопротивляющиеся ночному холоду и непонятно почему до сих пор не утратившие своей летней яркости цветы. Как будто в ней можно сохранить остатки лета и тепла. Где-то вдалеке раздавались голоса прохожих и шум транспорта.

Вася сидел и рассматривал немногочисленных пешеходов. Внезапно его взгляд зацепил что-то знакомое, что-то очень важное, что-то очень нужное. Где? Что? Васька начал искать глазами, присматриваясь сквозь деревья. Сердце забилось быстрее, как будто он боялся потерять это — такое необходимое, многозначительное и судьбоносное, без которого и жизнь — не жизнь.

И вдруг увидел: на аллею неторопливо выходили две девушки. Они шли, наклонив головы вниз, как будто что-то искали. Одна из них была та, которую Василий уже встречал

сегодня на ступенях Дома культуры и на весь вечер потерял покой. Подруги тихо разговаривали между собой, хихикали и периодически поднимали головы, чтобы оглядеться по сторонам.

Вася немного растерялся и застыл на месте, уставившись на сегодняшнюю возмутительницу его спокойствия. Секунда, другая, и их глаза встретились. Ему почудилось, что она тоже в первый миг немного смутилась и опешила. Но девушка быстрее, чем он, взяла себя в руки и сориентировалась в ситуации. Василию показалось, что она слегка кивнула ему. Или не показалось? Он кивнул в ответ, но та в этот момент отвернулась. Когда повернула голову, снова кивнул, но девчонка отвела взгляд и тут же посмотрела на него, и парень снова закивал. Она что-то шепнула подружке, и они захохотали, глядя на него.

Молодой человек понял, что оказался в глупом положении и надо как-то выкручиваться. Василий встал и пошёл к ним навстречу, тоже склонив голову и шаря ногами, как будто чего-то ищет. Отойдя от лавочки пару шагов, он увидел в листве какой-то блеск. Вася нагнулся и поднял связку ключей.

— Не это ли вы ищете? — крикнул он девушкам и поднял руку с ключами вверх.

— Да, да, ура! — защебетала одна из подруг и подбежала к нему. — Спасибо! Спасибо вам большое! Попробовала забрать у него находку.

— Не так просто, — решил отыгаться Васька и спрятал связку за спину. — Сначала познакомимся. Я Василий. А вас как?

— Меня Маша зовут. А она — Шурочка, — испугалась подружка. — Отдайте мне, пожалуйста, ключи, Василий.

— Маша-растеряша, — прищурившись, подразнила её подошедшая не спеша Шура.

— В какой руке? — спросил молодой человек, глядя на Шуру.

— В правой, — сказала девушка.

— А вот и нет, — съехидничал Васька и показал пустую правую руку.

— В левой, в левой! — закричала Маша.

— Держи свои ключи, — Вася протянул ей связку. — И больше не теряй.

Не надолго повисла пауза:

— Темно уже. Разрешите мне вас проводить по домам?

— Да, темно, — спохватились подружки. — Разрешаем, разрешаем.

— Шура, вы не против, если мы сначала проводим Машу? — спросил Василий. — Вы проследите, чтобы она опять чего не потеряла!

Девушки засмеялись.

— Не против, — ответила Шурочка, и компания неторопливо зашагала в направлении Машиного дома.

Девчонки рассказали, что учатся в ФЗУ шить и дружат. Ещё ходят на гимнастику в ДК «Серп и молот», где он их сегодня и встретил. И как не молодой уже тренер готовит девушек к выступлению «в маечках и трусиках».

Все посмеялись.

— Может, мы перейдём на ты, Маша и Саша? — весело спросил парень и, вклинившись между ними, раскинул руки и, ухватив их за талии, немного пробежал. Девчонки согласились, расхохотались и договорились завтра вместе пойти в кино.

Домой Васька не шёл — летел. Так легко и блаженно было у него на душе, а лёгкое волнение сердца подсказывало, что зарождается какое-то хорошее и сильное, до сих пор незнакомое, неведомое чувство.

Всякий раз после кино они провожали Машу. Смеясь всё время проверяли: не потеряла ли та ключи, а потом гуляли вдвоём. Шли через парк, по набережной, по городу, разговаривали обо всём на свете, вспоминали детство и представляли будущее. Шура рассказывала Василию об учёбе, о семье, о надеждах и планах, а Вася делился своими идеями и мечтами.

Молодой человек понимал, что эта девушка становится для него чем-то большим и важным, чем всё, что было до неё. Он видел эти горящие глаза, смеющееся лицо и пытался понять: что же значит для неё он, есть ли в ней интерес к нему. Очень парню хотелось увидеть, почувствовать этот интерес, свою избранность, особое отношение Шуры. У Васи не было подобного опыта. Он никогда не ухаживал за молоденькими девушками: как-то робел и стеснялся их до сих пор.

У Василия, конечно, были связи с женщинами-ровесницами или постарше. Он даже в какой-то момент применил было тактику «ухаживания» за такими, но чуть всё не испортил. Сам перепугался, когда Шура с силой оттолкнула его, с укоризной глядя ему в глаза, развернулась и пошла по направлению своего двора. Еле-еле получилось у Василия заглядить свою вину за сложившееся неловкое положение. Но домой Шура всё-таки ушла и на его вопрос: «Встретимся ли завтра?» ответила: «Я подумаю». Много шоколада, мороженого и несколько походов в кино с подружками ситуацию поправили, и доверие понемногу вернулось.

После очередного кинофильма Вася с Шурочкой решили прогуляться по набережной Яузы. Подойти близко к реке можно было не везде, так как полным ходом выполнялся план реконструкции Москвы, и речку одевали в бетон. Всюду были горы песка, земли, брёвна, доски, строительная техника.

Какое-то время они шли молча, смотря под ноги, чтобы не споткнуться.

— Так сколько тебе лет, Вась? — остановившись, спросила Шура, глядя на Яузу.

— Двадцать пять, я же уже говорил тебе.

— А я забыла, — съязвила девушка и добавила: — Значит, у нас 8 лет разницы. Это много, как ты думаешь?

— Нормально.

— Нормально, — передразнив его, она захохотала, всё ещё смотрев на реку. — А знаешь, я в Яузе купалась в детстве, — сообщила девушка. — И даже тонула. Мы с подружками, пока плавать не умели, плавали на надутых наволочках. И у меня один раз она сдулась прямо на глубине. Но меня спас молодой парень.

— Это был я, — услышала Шура.

— Ну, конечно, это был ты. Героев-то, кроме Васи, нет больше, — засмеялась она.

Василий повернулся к ней лицом и посмотрел ей в глаза.

— Ой! Мамочки, ты! И правда, ты. Вспомнила! Вспомнила! — прошептала Шурочка. — Точно, точно! Вот откуда я тебя помню! А я всю голову сломала: откуда я тебя знаю? Откуда? Твой взгляд запомнила. Точно! Чудо какое! Чудо!

— Не ты одна голову ломала. Я то же самое думал. Вроде знакомая ты, а откуда — не мог вспомнить. Надо же! Бывает так.

Пока он говорил, Шурочка подошла к нему вплотную, взяла его за воротник, притянула к себе и поцеловала в губы. Потом посмотрела в глаза, отпустила воротник и сказала:

— Это в качестве платы за спасение. Должна же я как-то отблагодарить своего дарителя жизни.

— Надо повторить — в благодарность от меня. Ты должна спасти меня, потому что теперь тону я. Тону в твоих глазах. Это, конечно, немного нечестно. Тебе будет гораздо легче. Ведь у меня нет наволочки. Срочно спасай, — решил схитрить Вася и приготовился к следующему поцелую.

Шурочка вывернулась и побежала с криком:

— Поцелуй тебя не спасёт! Ещё больше утонешь! Я думаю, чтобы спастись, тебе надо пробежаться!

Василий рванул за ней, догнал, притянул к себе и стал долго и горячо целовать. Шура не сопротивлялась.

О том, что у них любовь, знали все друзья и знакомые, кроме родителей. Шура боялась строгую мать, которая, если узнает, не то что на свидания, а просто на улицу не выпустит и на учёбу провожать и встречать начнёт.

Вася вообще не знал, что сказать матери. Она его воспринимала как свою часть: руку или ногу. Неразделимы навсегда. И каждую его связь мать воспринимала в штыки, подразумевая угрозу их разъединения, что абсолютно недопустимо с её точки зрения. И если он представит ей Шурочку, то мать может грубо с ней разговаривать, девушка обидится и уйдёт. А Вася очень дорожил отношениями с Шурой и не мог этого допустить. Парень знал взрывной характер Шуры и старался уравновесить его своим спокойствием. Они уже понимали друг друга без слов и не мыслили жизни порознь.

Близился Новый 1939 год. В этом году в Москве к празднику начали готовиться заранее. Газеты сообщали, что в столицу завезено около полумиллиона бутылок «Советского шампанского». На московских рынках продавались тысячи ёлок.

Хотя до недавнего времени Новый год в СССР отмечать было запрещено: он считался «буржуазным» праздником. Но запрет отменили с 1 января 1936 года, а на новогодней елке 1937 года в Доме Советов в Москве впервые появилась Снегурочка — внучка Деда Мороза.

СССР становился мощной, индустриально развитой державой. Итоги двух первых пятилеток показали, что поставленные планы выполнены и создан необходимый задел для увеличения обороноспособности страны и роста промышленного производства.

Советский народ, на плечи которого легла вся тяжесть индустриализации, с честью справился с этой задачей, еще раз доказав всему миру, что он в годы свершений может сплотиться для достижения любой цели, насколько бы трудной она ни была. Это послужило поводом для благодарности всем Советским людям, которые, безусловно, были достойны и нуждались в праздниках, от руководства СССР и самого товарища Сталина.

В клубах, домах культуры, предприятиях общественного питания, училищах и даже в школах устраивались торжества, где наряжали праздничные ёлки и накрывали столы с угощениями. Богато украшенная ёлка стала символом советской радости, веселья и изобилия, а ёлочная игрушка — воплощением достижений и преимуществ нового строя, такие как Красная армия (военные фигурки, корабли и лодки), спортсмены (физкультурники, лыжники), дети, улица (трамваи, троллейбусы, дома), игрушки-символы быта и труда колхозной деревни (животные, тракторы) и, конечно же, звёзды на верхушку.

Новый год отмечали коллективно, в компании сослуживцев. Обязательными были агитационные лекции и доклады на тему актуальных проблем советской политики, детские и взрослые представления, концерты, игры и танцы с хлопушками и серпантином.

Шура и другие девочки ФЗУ участвовали в подготовке новогодних праздничных мероприятий для металлургов завода «Серп и молот», которые будут встречать Новый год в своём Дворце культуры. Учёба уже закончилась и начались каникулы.

Днём шли репетиции, а в свободное время они с Васей ездили в Сокольники кататься на коньках или с горки. В этом году там была богатая новогодняя программа: лыжные эстафеты, выступления мастеров спорта, встречи с выдающимися людьми — героями, лётчиками, военными, полярниками, писателями.

После одной такой поездки их и поймала Шурина мать. Они почти воткнулись в неё носом, идя к Шуриному дому, весёлые, раздурьяненные с мороза, что-то вспоминая и громко смеясь.

— Здрааасте, — угрожающе скрестив руки на груди, расставив ноги и выпятив живот, поздоровалась с ними Ульяна.

При свете вечерних фонарей Шуре мать показалась могучим Атлантом, держащим на своих плечах огромный кирпичный дом. Девушка изменилась в лице, сделала шаг назад и спряталась за своим кавалером.

— Здравствуйте, — проговорил Василий.

Она оценивающе на него посмотрела и спросила:

— Ты кто ж такой?

— Василий.

— Чтобы духу твоего здесь больше не было, Василий! Никогда не было! Понял, Василий?

Затем Ульяна его отодвинула в сторону, взяла дочь за локоть и строго скомандовала:

— Шурка, быстро домой. Там поговорим.

И повела девушку к дому. Потом обернулась и, увидев, что Вася открыл рот, чтобы возразить, погрозила ему кулаком. От неожиданности парень мгновенно закрыл рот.

— Кто этот мужик? — грозно спросила мать у Шуры, когда они пришли домой.

— Василий, — тихо ответила дочь.

— Это я уже знаю без тебя, — рассердилась Ульяна. — Тебе он кто? Что у тебя с ним?

— Друг.

— Почему ты меня с ним раньше не познакомила, если он друг, — логически рассуждала мать. — Я всех твоих подружек знаю, а этого «друга» первый раз вижу. И давно ты с ним «дружишь»?

Слова «друг» и «дружишь» она произнесла с ехидством.

— С осени, — прошептала Шура.

— Ну понятно. Дело уже далеко зашло, — констатировала Ульяна. — Всё, конец дружбе. Дома будешь сидеть, на замке. Учиться, книжки читать. Когда учёбу окончишь, тогда дружить и начнёшь.

Затем, немного подумав, добавила:

— Или продолжишь, если он дождётся.

— Мам, я не могу дома, — взмолилась дочь. — У меня выступление на Новый год в «Серпе и молоте». Там без меня никак. Я ведущая.

— Всё, вопрос закрыт, — неумолимо ответила Ульяна. — С отцом пойдём Новый год встречать на Винзавод. Никаких серпов и молотов тоже.

— Мама, ты что — не слышишь, что ли? — со слезами молила Шура. — Пожалуйста...

Но мать была непреклонна и невозмутима. Шура замолчала, поскольку знала, что это бесполезно. Так мать не уговоришь, слезами не разжалобишь. Тут надо что-то грандиозное.

На следующий день Василий у ДК Шурочку не дождался и пошёл к её дому. Бросив в знакомое окно на втором этаже снежок, стал ждать. Через минуту она появилась и, намотав на голову и шею шерстяной платок, вылезла в форточку.

— Меня мать закрыла в комнате на ключ. Сказала, что больше не выпустит никуда. Только с ней теперь буду ходить, пока учёбу не закончу, — проговорила девушка. — Слушай, Вась, мне очень надо. Помоги, пожалуйста. Мать — она такая, сказала как отрезала, а я не могу людей подвести. Мы же репетировали. Поди к Маше, ты же знаешь, где она живёт, и скажи, чтобы собрала девчонок всех-всех и тренера тоже. И чтобы они к моей матери пошли и за меня попросили. Она всем не откажет. Пусть пообещают ей всё, что попросит. Ладно, Васенька? Ой, как я соскучилась! Невозможно прям! Холодно.

Шурочка повела плечами, слезла с подоконника, закрыла форточку и, стоя у окна, посылая ему воздушные поцелуи. Он их ловил, прижимал к лицу и посылал ей свои. Вдоволь нацеловавшись и найдя в себе силы оторваться от девушки, Васенька пошёл исполнять её просьбу.

Как и ожидала Шура, мать не смогла отказать целому коллективу. Пришлось согласиться и отпустить дочь на выступление, но взять с тренера слово, что он будет внимательно следить за Шурой и никого из чужих к ней не подпускать.

Через два дня и наступил тот самый день. Родители ушли на работу, а Шурочка стала гладить костюмы и наводить красоту. Глянув ещё раз на себя в зеркало и удовлетворённо улыбувшись своему отражению, она отправилась во Дворец культуры.

Через несколько часов началась новогодняя культурная программа. Первым отделением шёл доклад «Нужна ли пролетариату религия», потом спортивные номера и пьеса «Пограничники», вторым — торжественное заседание, приветственные пожелания, например: «Прекрасен был для нас старый 1938 год, и потому мы с особой радостью и уверенностью встречаем новый 1939 год! Новый 1939 год будет годом дальнейшего невиданного до сих пор подъема культуры и материального благосостояния тружеников города и села». После этого в 0 часов 00 минут на сцене зрительного зала срывают специально для этого нарисованный последний лист календаря — 31 декабря 1938 год и...

Настал новый 1939 год. На сцене уже нарисовано — 1 января 1939 года. Кто-то из руководителей завода говорит тост: «С Новым годом, товарищи! За новые большевистские победы под руководством великого Сталина!» Слышится громовое «ура!» Сколько радости и веселья на лицах людей! А дальше: концерт, игры и танцы до четырёх часов ночи.

Отработав свою концертную программу, Шурочка села немного перекусить. В самый разгар праздника радостно было видеть, как собравшиеся с азартом бросаются участвовать в играх за символические призы, хохочут и веселятся в танцах. Она немного подкрепилась и уже хотела присоединиться к подружкам, но почувствовала, что кто-то тихонько толкает её в спину, и обернулась.

Вася! Это был Вася! Он выглядывал из-за бархатной портьеры, загораживающей дверь в коридор. Шура тотчас нырнула к нему. Они выскочили в коридор и побежали. Дверь художественной мастерской была не закрыта, и ребята забежали туда.

Там было темно и пахло красками. Немного присмотревшись, Шурочка разглядела какую-то мебель, на которых художники размещали натурщиков, чтобы их рисовать. Она взяла Васю за руку и, ловко маневрируя среди стоящих везде мольбертов, привела его и посадила в кресло. Сама села рядом, на кушетку и тут увидела у молодого человека в руках бутылку шампанского.

— Где ты её взял? — засмеявшись, спросила его.

— Со стола, пока все танцевали. Я, правда, не знаю, сколько в ней вина осталось, но думаю, что кое-что есть, — тоже засмеялся Василий. — У меня вот ещё чего.

И он достал из каждого кармана по стакану и шоколадку.

— С тобой не пропадёшь, — весело сказала Шурочка. — А я ни разу не пробовала это «шампанское».

— Будешь пробовать? Налить?

— Давай, — махнула рукой девушка.

Вася налил понемножку, пересел к ней на кушетку, дал девушке один стакан и положил на колени шоколадку.

— С Новым годом, Шурёнок! С новым счастьем! — произнёс парень.

Они выпили, закусили шоколадкой и начали болтать.

— Ой, какое оно колючее, а с шоколадкой нормально, — рассуждала Шура. — Вась, а тебе нравится? Хочешь ещё?

— Хочу. Новый год же!

И они ещё выпили. Издалека доносились музыка, хохот, крики ликования.

— Да, Васенька, Новый год. А мы что делать-то дальше будем? Как же мы будем жить друг без друга? А? Я так скучала по тебе, Васюня.

И она положила голову на его плечо.

— Шурёнок, а может, пойдём и распишемся? — вдруг спросил Василий.

— Нет, не получится. Мне 18 только весной исполнится, — сказала со слезами Шура.

— Ну нет. Только не это. Не плачь, зазноба моя. Мы что-нибудь придумаем, чтобы ты только улыбалась и смеялась.

Вася взял её лицо в свои ладони, нежно посмотрел ей в глаза и крепко поцеловал в губы. Шура поцеловала его в ответ. В этот момент их сердца стали биться синхронно, всё быстрее и быстрее. И отныне они уже не существовали порознь, они стали единым целым.

В начале года Ульяне дали комнату в коммунальной квартире в новом, только что построенном доме. Индустриализация привела к массовому переселению людей в города. Рабочие жили в деревянных бараках, где отсутствовали водопровод, канализация, электричество, дороги с твёрдым покрытием. Появилась необходимость переселять людей в новый тип жилья, максимально функциональный.

Молодая страна прокладывала свою собственную дорогу в светлое будущее, со своей особой энергетикой. И для этого самого будущего мира требовалась новая архитектура, отличающаяся от всего, что существовало прежде. И не только само жильё должно стать другим, но и принципы градостроительства требовалось изменить под новый общественный строй, в котором приоритет отдавался общественному перед личным.

Стали строить целые жилищные массивы со всей инфраструктурой. Идеальный соцгородок должен был выглядеть так: несколько кварталов жилых домов и общежитий, клуб, школа, детсад, магазин, медучреждение, фабрика-кухня и баня. Советский человек не может терять время на готовку. Домашнюю кухню заменят фабрики-кухни. Не надо обеспечивать все дома горячей водой — мыться целесообразнее в бане. Такой дом упростил бы весь быт, создавая возможность организовать досуг и воспитание подрастающих поколений жильцов в духе коллективизма.

Дома строились нарочито угловатые без всякого декора, в модном современном конструктивистском стиле. Предполагалось, что в этих помещениях люди только спят, а остальная жизнь будет протекать в общественных зонах — столовых с фабрикой-кухней, библиотеках, физкультурных уголках, банях.

Во многих домах не были предусмотрены ваннные комнаты. Но со временем почти везде они появились в результате реконструкции, часто с окном, чтобы экономить электричество. Комнаты в квартирах имели широкие оконные проемы, которые пропускали много света. В квартирах делали широкие двери, зачастую двойные, над которыми располагались окна нестандартных архитектурных форм, например, ленточные или круглые, хорошо освещавшие коридор и прихожую — днем не нужно включать свет.

Планировка квартир необычная и интересная: две комнаты по 25 метров и две по 6—7. Кухня метров 10 с одним окном и еще небольшая форточка в стене. Холодильником служил такой своеобразный шкафчик-окошко под окном на кухне. Под подоконником открывались две дверцы, внутри полки, на которые клали продукты охлаждаться. Только в холодное время года, разумеется. Но и этому люди очень радовались.

В такой квартире и дали комнату Ульяне. Большую, просторную, с двумя окнами. На кухне выделили на каждую комнату по углу. Ульяна с мужем Василием поставили туда напольный кухонный шкаф с кастрюлями и повесили полку. Переехали они быстро, но обустранивались долго. Шурочка с матерью хотели всё обновить: занавески, скатерти, салфетки, постельное бельё, подушки, покрывала. Всю зиму и почти всю весну шили, подшивали, вышивали, перешивали.

В другой 25-метровой комнате поселилась такая же семья: муж с женой и двое детей — девочка оканчивала школу, а мальчишка только пошёл учиться. Они тоже, глядя на соседей, взялись всё обновлять. И пошло женское соревнование по оформлению интерьера. Все шили и друг перед другом хвастались.

В 6-метровых комнатах жильцы постоянно менялись. В основном это были одиночки. Приезжали, работали, потом либо женились, либо переходили на другую работу и расселялись,

получали другое жильё. Эти комнаты с высокими потолками и маленьким, да еще и забитым вещами и мебелью пространством, создавали ощущение «стакана», были очень неудобными.

Помимо домашнего рукоделия, очень много шитья у Шуры было в училище. Учёба подходила к концу, и давали много заданий. Хоть и мать была полностью поглощена радостью нового жилища и немного отстала от Шуры, с Васей они встречались не так часто, как раньше. Василий был сильно загружен на заводе.

Для обороны Родины необходим лучший в мире боевой самолёт. А. Н. Туполев, даже в таких трудных ситуациях, когда он — «враг народа», сумел сохранить личную независимость и настойчиво отстаивал свои технические решения по порученной ему задаче: создать в сжатые сроки фронтовой бомбардировщик Ту-2. Не жалея сил, отдавая себя целиком работе, трудились над постройкой его первого экземпляра вместе с соратниками Туполева и вольнонаёмные сотрудники.

Когда Василию удавалось уйти с работы не так поздно, он шёл под Шурины окна и неподалёку прохаживался или ждал под старой раскидистой липой.

Шура периодически смотрела в окно и, когда видела его, собирала какое-нибудь шитьё и говорила, что надо сходить к Маше и помочь ей — показать, как надо сшить, а то она сама не разберётся, или что сама Шура не понимает как надо, или что Маша просила принести. В общем, выдумывала что-то про шитьё и Машу и убегала на свидание. Погода была холодная, но они с Васей гуляли, ходили, бегали, чтоб согреться. Жизнь была насыщенной, наполненной, и хотелось поделиться друг с другом новостями, идеями, рассказать о себе, о чувствах, о любви.

— Через месяц мне исполнится 18. А через 3 месяца я закончу учёбу. Будет уже лето, — считала Шурочка. — И что мы будем делать?

— Будет тепло и даже жарко, — поёжился Василий и продолжил: — Будем ездить по выходным загорать и купаться. Ты ведь, надеюсь, научилась плавать?

— Научилась, научилась, — скорчив лицо, со смехом ответила Шура. — А тебе не дадут отпуск?

— Наверяд ли.

— Очень жаль, — с грустью произнесла Шурочка и обняла Васю за шею.

— Ты такая красивая! Ты как-то изменилась. Глаза стали ещё глубже. Губы ещё слаще, — и он нежно поцеловал её.

— Мне же скоро 18. Взрослею. А губы на холоде распухли.

Погода вдруг образумилась. Апрель взял себя в руки и преодолел страх перед ну никак не хотевшей уходить зимой, стал её теснить. День ото дня всё смелее и смелее. И вот наступили первые тёпленькие денёчки.

— Мам, — кричала Шура. — Я опаздываю. Мне сегодня пораньше надо. Где мой новый, ну такого светло-коричневого цвета, плащ, сшитый осенью. Помнишь? Не могу найти.

— В новом шкафу посмотри, — отвечала мывшая пол в коридоре Ульяна, сегодня была её очередь по дежурству. — Да холодно ещё в плаще-то, Шур. Смотри, замёрзнешь, простудишься. Только-только тепло пришло.

Шура открыла новый шкаф, увидела плащ, сдёрнула его с вешалки и надела. Что-то она не поняла. Как-то он стал поменьше, узковат. Даже очень узковат. «Неужели так за зиму поправилась?» — злилась на себя девушка, распрямляя и разглаживая на себе этот злополучный плащ. «Конечно, сидела всю зиму на попе и шила. На физкультуру уже месяц разрешили не ходить. Юбку старую выбросила, новую сшила. А плащ с того года висит. Но в плечах и на попе нормально. Живот как-то жмёт», — подумала она и как-то интуитивно испугалась. Как будто мороз по спине пробежал. Она быстро глянула на спящего отца и одним махом скинула с себя плащ.

В этот момент в комнату зашла Ульяна.

— Ну что? Дай хоть посмотрю, как он на тебе? — спросила мать.

— Да нет, мам. Ты права. Он холодный ещё пока, — ответила девушка и, чтобы замаять ситуацию, громко сказала: — Опаздываю, побегу уже. Ты отца-то буди, а то проспид.

Придя в училище, она сразу схватила Машку за руку и потащила её в туалет.

— Скажи, Маш, а вот эти женские... ну ты знаешь, о чём я, — затараторила Шура. — Они обязательно каждый месяц должны быть?

— Ну вроде да. Каждый, — задумчиво ответила Маша.

— Вроде да кабы, — чуть не со слезами умоляла Шурочка. — Ты можешь точно сказать? Пожалуйста... А у тебя как?

— Каждый. А что? Тебе зачем? — уже с любопытством спросила подружка.

— Надо, — задумчиво произнесла Шура, отодвинула подругу в сторону и пошла на занятия.

— Шур, ты чего, заболела, что ль? — семенила за ней Маша.

— Похоже, Маш, что заболела, — как-то обречённо прошептала Шурочка.

— Шуур, ну что — в пятницу девчонок приведёшь день рождения отметить? — спросила Ульяна дочь. — Я пирог испеку. С чем сделать — с капустой или сладкий лучше?

— Наверное, — задумчиво ответила девушка.

Мать подождала немного и опять спросила:

— Так с чем лучше-то? Сладкий?

Ульяну беспокоило настроение дочери в последнее время. Она — всегда бодрая, хулиганистая и весёлая, а тут какая-то грустная, унылая, как в воду опущенная была.

«Опять молчит. Ну что ж такое? Оглохла, что ли?» — подумала мать и подошла к девушке. Та сидела к ней спиной и намётывала подогнутый край какого-то изделия. Что-то в ней было трогательное, если не сказать трагическое. Какие-то переживания и вибрации, идущие от дочери, уловило материнское сердце. «Она такая маленькая, доченька моя. Сидит, вон, вся согнулась, кудряшки выбились из гребешка».

Захотелось защитить её от такого несправедливого и пугающего большого мира, который очень хорошо знала Ульяна. Закрыть дочь от вселенского зла своими большими материнскими крыльями.

— Доченька, случилось что ли, что у тебя? — обнимая Шуру за плечи, наклонилась к ней мать. — Ты Расскажи. Я пойму...

Дочка вздрогнула от неожиданности и, обомлев от такой внезапной и очень редкой материнской нежности, захлёб зарыдала.

— Ну что, что ты так? — пыталась успокоить Шурочку мать. — Не надо. Не надо, милая моя. Оно того не стоит. Что бы ни случилось.

Она подняла дочь со стула, посадила её на кровать и сама села рядом.

— Скажи, скажи, легче станет. Я же мать. Я чувствую.

Шура бросила свою рыдающую голову матери на колени и, всхлипывая, проговорила:

— Мам, я, кажется, беременна.

И залилась новой волной рыдания. Ещё громче прежнего.

— О боже! Как же я не догадалась сама-то, дура старая? — воскликнула мать. — Шурка, ну не плачь ты так. Недосмотрела я всё ж. А я тебе говори...

Ульяна оборвалась на полуслове, не стала она дочери на больное место давить. И так она, страдальца, вон как мучается.

— Васька? — спросила мать, глядя в глаза дочери.

Та кивнула.

— Когда ж?

— На Новый год. В клубе... — промямлила Шура и опять закатилась истерикой.

— Да не реви ты уже! — прикрикнула на неё мать. — Уж если прицепился — не выплачешь. Всё, всё, всё.

И Ульяна стала своим платком вытирать мокрое Шурино лицо от слёз.

— Девочка моя, доченька. Бабья доля такая у нас...

Тут что-то загромыхало в коридоре, кто-то матюкнулся, распахнулась дверь, и вошёл отец как будто сильно навеселе, расставляя руки в стороны, пританцовывая и весело напевая:

— Ой, полным полна моя коробушка,

Есть и ситец, и парча.

Пожалей, моя зазнобушка,

Молодецкого плеча!..

Тут он схватил Ульяну за руку, притянул к себе в танце, потом отдалил от себя, поднял руки и покружил её под рукой. Затем, не отпуская жену, продолжая танцевать, посмотрел на заплаканную дочь и басом спросил:

— Что за потоп, Шурка, дочь моя?!

Дочка сквозь слёзы улыбнулась неожиданному веселью. Тогда отец схватил за руку и её, устроил хоровод и, танцуя: то сближаясь со всеми, то расходясь, запел дальше:

— Знала только ночка тёмная,

Как поладили они...

Распрямись ты, рожь высокая,

Тайну свято сохрани!

Потом хитро подмигнул Ульяне и плюхнулся на кровать.

— Подслушивал? — догадалась жена.

— Жена моя! Ты сомневаешься во мне? — оперным голосом пропел Василий. — Я глава семьи и должен знать всё, что здесь происходит.

— А тому, что у нас скоро будет лялька, кроха, я рад, — продолжил он уже без пения и почти трезвым голосом.

— Шурка! Иди-ка на кухню — ужин отцу принеси, — строго приказала мать.

Когда Шурочка вышла из комнаты, отец добавил:

— А Ваське этому... Васька, да? — обратился он к жене. Она кивнула. — А Ваське этому ноги повыдёргиваю.

«Самое страшное позади, — рассудила на кухне Шура и подумала о родителях с благодарностью. — Теперь надо как-то сказать Васе».

Но, как говорится, «его величество случай» всё решил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.